

Владислав Ардалин

Славный
город

Беллуно

The book cover features a watercolor-style illustration of a landscape. At the top, a warm, orange-hued sky transitions into a rolling hillside. A small, purple-roofed house with a white chimney sits on the slope. A blue stream flows from the hillside down a rocky cliff face, forming a waterfall. The bottom of the cover shows dark, textured rock formations. In the bottom right corner, there is a circular badge with the text '12+'.

12+

Владислав Ярославович Ардалин

Славный город Беллуно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57144441

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-04839-3

Аннотация

Вы верите в легенды? Хотели бы вы хоть ненадолго оказаться в пышущей жизнью Долине Осени? Вам определенно нужно присесть на берегу шумной реки Ундины, вдохнуть покусывающий горный воздух и погрузиться в давно забытую всеми историю о славном городе Беллуно. Это рассказ о мимолетности бытия, о семье, и о настоящем горе, с сардонической усмешкой смотрящем на неизменность человека сквозь время. Это история о людях, чьи судьбы сплелись воедино и вылились в день, который многие запомнили надолго. В наше время уже мало кто верит в правдивость старой легенды, но кто знает, может, именно Вас посетят призраки давних событий?

Содержание

I	5
II	11
III	21
IV	40
V	55
VI	64
VII	100
VIII	124

Владислав Ардалин

Славный город Беллуно

Когда вам лет 6–7 и вас просят нарисовать небо, вы берете кисть и машете ею, по верху своего листа, и небо у вас получается тонкой голубой полоской. Это легко и просто! Но потом приходит взрослый и говорит: «Да, все хорошо, но, понимаешь, небо должно быть везде: и за кроной деревьев тоже!». В этот день рушатся ваши иллюзии. Я стараюсь помнить о том моменте, о том небе... Вдохновение – жизнь в этом мире, который становится все более шокирующим, но которому мы принадлежим, как бы трудно это порой ни было. Наша задача – каждый день становиться чем-то большим. Надо обязательно рассказывать истории друг другу, друг о друге. Только так мы поймем, кто мы сами. В противном случае на нас можно ставить крест. Проблема в том, сможем ли мы принять все эти истории?

Алан Рикман

I

Есть такие истории, которые по началу кажутся нам весьма реальными, мы в них охотно верим и рассказываем каждому, что так все на самом деле и было. Потом, спустя некоторое время, эти истории медленно превращаются в легенды, затем в былины и сказки для детей, а в конце, спустя множество поколений и утерянного времени, просто во что-то отдаленное, настолько отдаленное, что люди, еще помнившие об этих историях, легендах, былинах и сказках, начинают сомневаться происходило ли все это на самом деле, а не являлось лишь чьим-то ярким сновидением.

Край земли. Над еще сонной и утренней Долиной солнце, игриво выглядывая из-за отрогов горных хребтов, начинает свой медленный восход, освещая непроницаемую чащу темного леса вместе с окутавшим ее густым утренним туманом. Здесь всегда Осень и от этого постоянный янтарный свет со всевозможными оттенками и вкраплениями ярко-красного, оранжевого и местами – от наличия хвойных в чащобе – густого зеленого, добавляет всей этой самой Долине вид совершенно волшебный и способный завладеть вниманием каждого: начиная от местных жителей, которые не перестают наслаждаться просторами свободы, и заканчивая теми, кто пребывает в Долину Осени впервые, по счастливой ли случайности или же по нужному поручению. Благода-

ря обширной реке Ундине, пронизывающей всю Долину начиная с заснеженных гор, проходя затем через боскет, медленно проползая будто удав в простилающиеся до горизонта поля и впадая в конце пути в бесконечные объятия обрыва Края – Долина Осени полна источников жизни, бьющихся родником по всей территории.

Стоит только пройти через горный перевал, являющийся официальным началом Долины, как перед каждым попавшем на эти земли откроются невероятные просторы, переполненные осязаемым вдохновением: неумолкающее пение птиц от утренних синиц до ночных сов; обычно бурный поток реки и шум водопадов, один из которых дает Ундине жизнь, а второй ее забирает, жадно поглощая каждую капельку падающую с Края в бездонную пустоту; а также дыхание чащи, насвистывающий ветер и любые возможные к представлению отзвуки природы, чудно гармонирующие с неспешным темпом Долины Осени.

Из четырех Долин она считается самой богатой и люди, живущие в ней, глубоко почитают сие факт, стараясь заботиться, прислушиваться и оберегать мир на их долю выпавший. То Осенние люди, и они расположились в своих маленьких уютных городках, разбросанных по расстилающейся ширине всей Долины. Города были маленькие по причине, которая не всегда представлялась очевидной, а порой и шла в разрез с принципами других Долин. Кто-то из вас может смело предположить, что маленькими они были

всего лишь благодаря банальной игре случая, однако охотникам за правдой, этим любителям точности, устраняющей любые недосказанности, такой ответ справедливо покажется неудовлетворительным и даже нахальным. Другие из вас имеют право считать ограниченные размеры поселений результатом известной за свою трепетную скрупулезность любви Осенних людей к окружающей природе. Каждое их действие, будь то: возведение новой постройки в городе, прокладка железных путей, на данный момент не проводившаяся уже с сотню лет, или даже собирательство грибов и ягод в чащобе – всегда было основано в первую очередь на том, дабы не причинить критического, невосполнимого вреда Долине Осени. Если у жителей возникала необходимость в материале для своих новых архитектурных свершений, например, в древесине, то после сруба одного могучего ясеня или явора – сажали по два новых. Охота на диких животных была запрещена вовсе, даже городами, не имеющими местного скотоводства. Вы имеете право считать это причиной, но и она является скорее косвенной причастностью, нежели абсолютной правдой.

Истина же представлялась довольно банальной и происходила от одной древней интересной особенности, присущей лишь Долинам Осени и Зимы – скромное увеличение населения. У людей этих Долин не было никакого стремления или оказываемого желания для обычных на то мотивов, в массовом рождении своего потомства, в частности из-

за долгой продолжительности жизни и ее медленного темпа, уверенно отталкивающего от излишней суеты. Посему в этих двух Долинах уже как давно было установлено правило: в Осенней – негласное, в Зимней – официальное, стабильно наблюдавшее преуспеяние. Оно же и устанавливало размеры городков, делая нецелесообразным массовые расширения.

Всего поселений в Долине Осени было семь и каждое из них обладало своей выразительной уникальностью, которая, однако, состояла не в уникальности разных рецептур одного и того же бисквитного коржа для торта, но в их совершенном разнообразии видов, будь то: рыхлое песочное тесто, нежное и одновременно текстурное слоеное, карамельно-сладкое вафельное, воздушное белковое, сливочно-жирное заварное и хрустящее сахарное. Все они были абсолютно одинаково гармоничным и совершенным произведением кондитерского искусства, представляющим часть единого и еще большего торта, доказывая даже последним снобам и скептикам о возможности достичь апогея совершенства во всех своих начинаниях. На каждый из коржей, как и полагается после их выпекания, был нанесен сливочный крем из влиятельных семей – каждый корж своим и со своей процентной жирностью. Крем также дополняла фруктовая начинка, на этот раз из людей менее влиятельных, но таких же значимых и по количеству не уступающих семьям-основателям в следствии культурно-исторических факторов развития Долины Осени. Завершающим штрихом, делающим городки столь чудесны-

ми, была шоколадная помадка, формирующая готовый образ, облаченный культурным ореолом, подчеркивающий и освещающий архитектурные формы с одно-двух-этажными зданиями, каменными замками, железнодорожными станциями, часовнями, плантациями, пекарнями, мельницами, мастерскими и широкими улицами, где каждый был свободен в своем движении, не задыхаясь от быстрого темпа жизни, как в Долинах Лета и Весны.

Перемещение между маленькими городками не составляло особого труда и каждый пользовался либо надежными паровозами, либо мускулистыми лошадьми, которые бережно содержались в конюшнях каждого города. А между некоторыми из них – лежащими ближе всего друг к другу – путь возможно преодолеть вовсе пешком, что было несомненно дольше и опасней, но вызывало неподдельный интерес, особенно у первооткрывателей и неутомимых путешественников этих земель.

Среди этих незаменимых органов, соединенных между собой железными артериями, был, как и полагается согласно всем принципам управления, главный, носивший гордое название – Беллуно. В нем проживали самые уважаемые и значимые Осенние люди, перебравшиеся сюда с течением времени из своих фамильных поместий других городов. Вернее будет сказать, что проживали там не только самые уважаемые и значимые, но также и все остальные, однако, если самые уважаемые и значимые где-то и проживали на данный

момент хода истории Долины Осени, то обязательно в Беллуно. Сложилось так от продиктованных временем древних традиций, требующих по одному представителю от каждой уважаемой и значимой семьи со всей Долины в одном месте для более быстрого и удобного способа решения задач. Выбор пал на славный город Беллуно, впоследствии вызвав череду переездов остальных членов семейств. Став таким образом самым главным у Осенних людей, ему предстояло впечатляюще преобразиться, и уже спустя несколько десятков лет он представлял из себя величественнейший город с развитым плодоводством, скотоводством и в меньшей степени производством зерновых. Окруженному превосходными лесами Беллуно не оставалось выбора, кроме как преуспеть в плотничестве, позволив значительно расшириться в размерах и завоевать титул самого большого города в Долине.

II

И вот в этом славном городе среди самых уважаемых и значимых Осенних людей живет пара обычных и не очень-то известных возлюбленных – Альберта и Герты, озабоченных хоть и не тяжкими проблемами, но неизбежными юношескими трудностями. Не смотря на тяжелую участь каждого из них на начало судьбоносного пути – эти двое смогли найти самих себя в этой жизни, но, что важнее, – сумели найти жизнь в самих себе. Герта еще будучи неполноправной владычицей своего тела и разума успела остаться сиротой после печального и нелепого инцидента у водопада близ Края. Предложение руки и сердца. Камень, падение. О, утрата! Утрата! По счастливым стечениям обстоятельств, после этого случая ее приютила к себе милая старушка, проявившая материнскую заботу и обеспокоенность к осиротевшему ребенку.

Эту милую старушку звали Элизой фон Дерихт, у которой на тот момент уже был любимый внук, оставшийся после ухода легкомысленных родителей, и возраст которой составлял приличные 280 лет, что для Осенних и Зимних людей было сроком не очень поздним и свет жизни к этому времени еще не успевал начинать свой стремительный цикл затухания. В то время как Летние и Весенние люди могли достигнуть подобной цифры лишь сложив вместе жизни своих

четырёх здоровых представителей. Элиза не подавала признаков старости, имела достойную осанку и обладала поразительно длинной, седой косой, спадающей с ее плеч до самой поясницы. Хотя столь поразительная свежесть была скорее внешней, чем внутренней, потому что по своим действиям, по своим рассуждениям и отсутствию блеска в глазах, обыкновенно горящему у людей молодых и амбициозных – бабушка Лиза только и делала, что не подавала признаков, пока признаки неизменно подавали себя.

Фамилия фон Дерихт всегда наполовину состояла из тяжелой несправедливости сплошных утрат. Перед появлением девочки предназначенной Элизе судьбой, у нее внезапно умер муж, страдавший несколько лет к тому моменту тяжелой болезнью. Он был не первым родным, ушедшим из ее жизни, к тому же строго обозначивший печальный исход еще на ранних стадиях своего недуга. На первых порах Элиза пыталась бороться с его болезненной хандрой, мотивируя смешливым годовалым малышом Альбертом, которого они воспитывали одни с момента его рождения. Но через пару недель стало ясно, что супруг сдался. Поэтому, когда он умер, старушка Лиза приняла смерть как данность, и уже через месяц приютила к себе еще одного годовалого ребенка – на этот раз девочку. Ее имя, кроме покойных родителей, никому не было известно, от чего Элиза, недолго думая, назвала ее в честь бабушки Гертой.

Родители Альберта пропали из жизни семьи фон Дерихт,

стоило ребенку появиться на свет. Они испугались внезапной ответственности, осознание которой упало на плечи в самый последний момент и следующей же ночью сбежали, по некоторым слухам, в Долину Лета. Так, из жизни Элизы навсегда ушел родной, единственный сын, которого после этого случая, она ни разу не видела.

Однако, несмотря на внутренние признаки приходящей старости и шлейфом влекущие за собой сложности справляться в одиночку с двумя малышами, – бабушка Лиза не жаловалась, вкладывая в детей всю свою любовь. А добропорядочные жители Беллуно, увидев ее самоотверженность, стали приносить различные мелочные вещи – кто сколько мог или хотел. В основном эта была еда и одежда для детишек, но порой на пороге дома появлялись и всякие безделушки наподобие жестяного барабана от кузнеца или же деревянной рогатки от плотника. Одновременно с этим Элизе серьезно помогали управители, когда-то давно взявшие ее под опеку. Также как она приютила Герту – власти – приютили ее, и, в качестве дани уважения к семье фон Дерихт за заслуги перед городом в далеком прошлом, гарантировали постоянную материальную независимость.

Так они и начали жить втроем – бойкая бабушка Лиза, ее любимый внук Альберт и приемная, ставшая сразу как родная – милая с рыжеватыми, курчавыми волосами девочка Герта. Позднее к этой дружной семье присоединился маленький, пушистый щеночек, которого Элиза вежливо по-

просила у господ Бруденных с самого начала Илистой улицы. Их собственная собака на днях дала потомство, требующее добрых и заботливых рук и лучшей компании для двух жизнерадостных, активно познающих детей было не найти. Щенка долго думая в конечном итоге весело прозвали Шнобелем из-за не совсем правильной пропорции морды. Шнобель был из такого типа псов, о которых обычно говорят: «задиристая мышь», а затем, осознавая легкий налет грубиянства в своих высказываниях, поспешно добавляют: «не обижайся, моська, мы же любя». Право, небольшие габариты не мешали Шнобелю заполнять любое пространство своей шерстью, добром и лучезарной преданностью.

Не уступая долгожительству Осенних людей – представители все той же животной, но уже менее разумной фауны – беспечно существовали на протяжении многих годов, от чего в Долине Осени дикая жизнь была переполнена, не создавая при этом угрозы для флоры из-за чуткого контроля самой Матери-Природы. Для домашних животных все было еще более радужно, позволяя лет в среднем пятьдесят-шестьдесят хозяевам и их братьям меньшим успешно продолжать друг друга радовать и морально поддерживать.

Однако интереснейшая особенность, вызванная долгой продолжительностью жизни, заключалась все же в отсутствии кладбища. В этом смысле Осенние люди были прагматиками и обладая таким природным явлением как Край, почти сразу же на момент основания Долины как таковой,

они заложили в традиции прощальный ритуал с торжественным спуском по реке ушедших – множество людей специально пребывало в Беллуно только ради этой цели. Сбрасывать упокоившихся в бездну никто не хотел – это считалось не уважительным отношением и чем-то таким, чего никак не может быть содеяно с человеком Осени. Хоронить в земле претило еще сильнее, а впадающая в Край река была только у славного города. К тому же Осенние жители верили, что тела, отданные реке Долины – обязательно попадут в лучший мир, где за ними с заботой будут присматривать.

В последующем эта традиция коснулась и домашних животных. На первых порах многие спорили о таком решении, ссылаясь на то, что хозяева хотели бы навещать своих ушедших пушистых друзей, но сошлось все на нецелесообразности подобного кладбища – оно будет только занимать лишнее место, вгонять в беспросветную тоску всех прохожих и непременно оскорбит древнейшие традиции Долины Осени.

Время неумолимо шло, нет, оно бежало, и вместе с ним все без дополнительных шансов становилось старше. Бабушка Лиза преодолела психологический порог в 300 лет, а Герта с Альбертом достигли того возраста, когда пред всеми молодыми людьми открывается мир любви и ее тайн, которые так жадно каждый старается разгадать. К этому моменту повзрослевшие дети поняли, что уже привязаны к друг другу эмоционально, и, несмотря на воспитание их как родных с первого дня объединения, Элиза все равно объяснила им –

только они стали чуть смысленнее Шнобеля – их настоящие родственные связи. Поэтому юных открывателей любви не связывали никакие моральные узы, наоборот, они начали испытывать друг к другу чувства родственных душ в том понимании, что созданы они лишь друг для друга и все было предопределено изначально. Несомненно, любовь, их безоговорочно находившаяся в состоянии платонической, заполняла собой любое окружающее влюбленных пространство. И именно она раз за разом позволяла преодолевать различные трудности, позволив сначала Альберту с Гертой закончить обучение грамотности и прочим фундаментальным наукам, в обязательном порядке преподававшимся Осенним людям в единственной школе во всей Долине. А затем найти себе дальнейшее призвание, приходившееся по душе каждому из них.

В конечном счете влюбленные, после совещания с бабушкой, приняли совместное решение продолжать обучение, на этот раз уже на более высоком уровне. Герта устроилась в институт знаний в другом городе, под странным названием Арзи, находившийся в полчаса комфортной езды от Беллуно на паровозе, в утомительном часе на лошади и в пяти беспощадно потраченных часах пути пешком. Как и в случае школы, из-за продолжительного существования Осенних людей образовательная система в Долине была своеобразно и тонко настроена. Выражалось это в первую очередь ограниченным количеством учебных институтов, единицы которых были

размещены всего в двух городах Долины.

Юная искательница высоких знаний нашла свое место в области изучения языков. Ей было безумно интересно узнать языковое отличие народов, выраженное в длительной прогрессии устройства Долин. В глубине души она чувствовала, возможно и немного самонадеянно, что, познав подобного рода тайны, она сможет искусно раскусить мироздание. Группа у Герты была всевозможно разнообразной, с удивительно смехотворным количеством сверстников – тут нашлось место достаточно взрослым людям и совсем пожилым, отчетливо выделялись любители покоя, изолирующие себя от остальной группы, и неутомимые активисты, в сердцах считающих любое общество без своего присутствия – скучным и бессмысленным. Учились в группе также и отъявленные грубияны, и излишне вежливые люди, мило просящие разрешения наподобие: «Позвольте чихнуть, мадам».

От такого контингента изначально столь уверенная в своем преуспейнии Герта начала учебный год тяжело, со скрипом железных петель у дверей. Но она так или иначе оставалась довольна, встречая каждую трудность с улыбкой на лице, и, еще не разобравшись с предыдущей, начинала искать очередное препятствие. На первом году обучения, когда Герта только пыталась влиться в общее настроение группы, ей удалось подметить интересную особенность людей ее окружающих. По какой-то неведомой причине, каждый из одноклассников упрямо пытался выделиться из толпы, пытаясь

одеться в как можно более яркие вещи. Оправдать странное поведение едва ли представлялось возможным, да и сами одноклассники вряд ли бы назвали истинные причины оказываемого лицедейства, но подобное имело место быть и продолжалось на протяжении доброй половины года обучения Герты на первом курсе. Ее, молодую девушку в самом расцвете сил, когда кажется, что весь мир открыт перед тобой, а сам ты непременно выгодно выделяешься на фоне остальных, – такого рода ситуация смутила. Герту распирало от несправедливости, ударившей волной так резко о пристань ее наивности. Категорически решив, что отныне не хочет выделяться, она дала себе слово носить исключительно серое. Смирение пришло совершенно случайно, когда в один из дождливых дней Герта умудрилась испачкать все невзрачные вещи, не оставив себе выбора пойти на следующий день кроме как в чем-то цветном. На утро она долго не могла примириться с этой мыслью, в сердцах поругалась с Элизой и молча, в ярко-желтом вязанном свитере, шла рядом с непонимающим Альбертом. В тот день никто не обратил внимания, во что она была одета. Конечно, назвать подобный акт нельзя ничем иным, как ноткой юношеского максимализма, но на тот момент Герта думала совершенно о другом – она боролась с системой, приспособлялась к новому распорядку жизни, вникала в хитрые аспекты и с высоко поднятым носом – собирала истории, подобно этой, в свой жизненный портфолио, который только предстояло наполнить.

В свою очередь, пока Герта решила выбрать тропу института знаний, Альберт смог устроиться студентом-подмастерьем одного хорошо известного во всех Долинах профессора-ученого – Теобальда Бюрена, который по его собственным словам был *Persona grata*, с чем никто поспорить не мог, от части не понимая значения этих странных слов. Решению послужило стремление Альберта пойти по стопам своей бабушки, которой он всевозможно гордился, хоть и не придавал при ней вида. Теобальд человеком был достаточно необычным, начиная как минимум с места собственного проживания. Его подворье располагалось на ремесленной улице Витторио Венето, где постоянно царили шум, непроглядная грязь, а в добавок нестерпимо стояли отвратительные запахи. Профессор находился все время в путешествиях, собирая информацию, интересовавшую его для научных работ, и на данный момент уже как три года местом его остановки служила Долина Осени и славный город Беллуно, в котором он решил пожить некоторое время для изучения феномена Края. Примечательно, что сам профессор был родом как раз-таки из Беллуно и именно поэтому, как только накопленные средства стали располагать к роскоши, Теобальд купил себе подворье, дабы иметь место для постоянного отдыха и одновременно лагерь подготовки к дальнейшим путешествиям.

Всю информацию Альберту намеками сообщила Элиза и он, долго не раздумывая, решил использовать шанс устро-

иться к профессору подмастерьем, получив ценную возможность впитывать знания изучая работы профессора, слушать его непрекращающееся ворчание и заниматься расфасовкой архивов, готовкой еды, уборкой и прочим, что может доверить высокого уровня профессор такому мальчишке – в награду за полезные навыки, некоторые деньги, бесценный опыт и знания.

III

Солнце, все так же плавно перетекая и окрашивая весь Край в яично-желтый, уверенно достигло своего положения, непременно обозначающее уже во второй раз начало дня, только на этот не для Долины Осени в целом, а для ее Осенних людей в частности. Густой туман начал постепенно рассеиваться, уступая место ясному и прозрачному как стекло пространству, оставляя после себя лишь небольшие улики, в качестве доказательства, что еще некоторое время назад он действительно был здесь и все было под его полномочиями. Мокрые из-за влаги тумана опавшие листья источали восхитительный, богатый и терпкий запах земли и перегноя, который подхватывал горный воздух и ответственно – как пчелы бережно доставляют пыльцу в свои ульи – разносил этот сладкий и одновременно с легкой горчинкой запах по всей Долине. Окружение постепенно нагревалось, лесные обитатели начинали активизироваться в полную силу и только Ундина, сегодня по-особому убаюкивающе мирно, продолжала прошивать ниткой долину насквозь, стремясь навстречу с неизвестностью, хотя и это было бы слишком лживым описанием, ведь стремилась она, как старики стремятся купить утренний, свежеиспеченный хлеб. Начинало светать и вместе со всеми живыми механизмами природы запускался механизм жизни городской. Одновременно, слов-

но артисты синхронных выступлений, улицы Беллуно стали, как сладкий и душистый мед тягуче обволакивает горло, заполняться жителями.

Независимо от статуса главного, самого большого, величественного, красивого, старого и развитого города в Долине Осени – Беллуно имел схожий темп жизни с остальными. Первыми, кто совершал действие в еще непроснувшемся городке, сонливость которого выдавалась в ветреной зевоте, оставлявшей слезы на глазах Долины – верные стражники, пусть и в небольшом количестве, существовавшие в качестве носителей трех основных функций: культурно-исторический пережиток прошлого, оставшийся после Великой войны; внутренний правопорядок, если кто-то из хулиганов решил бы совершить низкое дело; и защита от диких зверей, которые могли по совершенной случайности или же с совершенно определенными намерениями забрести в город, и которых приходилось в таком случае аккуратно отпугивать и отгонять. Среди всей этой системы стражников имелось разделение на некоторое количество дозоров и патрулей, привязанных к определенному времени и носивших название с ним связанное. Посему первое событие, происходившее в славном городе Беллуно – это смена ночного дозора и патруля утренним, что и символизировало начало работоспособности всего остального механизма городской жизни.

По общему счету стражники сменялись в течении дня

четыре раза и, если у патрулей смена проходила непосредственно на улицах города, то дозоры чередовались уже на стенах старинного Замка – главного достояния каждого города Долины – с одной лишь оговоркой, что Замок в Беллуно, как и все остальное в этом славном месте, был более величественным и устрашающим, нежели шесть остальных. Находился он чуть поодаль от остального поселения, на возвышенности, в центре которой гордо стояло сердце Замка – неприступный донжон, на пол оборота прикрытый бездной Края. На пути к донжону, вошедшему непременно встречались могучие стены, толщиной в пять метров и представлявшие из себя два полукольца – одно из которых было непосредственно началом Замка, а второе ребром для его сердца. С интервалом в каждые десять метров на стенах, подобно пеньковым свечам, располагались сторожевые башни разных размеров и форм: от массивных квадратных до стройных округлых, являющихся смотровыми площадками для дозоров. Подле первых стен у Замка располагался ров – искусственное ответвление Ундины, проползающей чуть левее.

Фортификационное сооружение Беллуно построили давно, еще во времена основания города – в те дни шла Великая война между Долинами и надежные укрепления являлись необходимостью. Война давно канула в лету, а Замок решили использовать в универсальных целях: как место заседания управителей, центр приема важных гостей и проведения балов, темница для заслуженных преступников и на-

блюдательный пункт для присмотра за окрестностями Долины и города.

И только после смены ночного дозора с патрулем на улицы Беллуно выходили все те, без кого полноценная жизнь не представлялась возможной, – виноградари, фермеры и пастухи начинали подтягиваться к своим тучным пажитям. Примерно в это же время на свое место выходили братья-мельники, известные благодаря двум исключительным фактам, с их профессией никак не связанным. Первый – следствие любой братской связи, предписывающей носить одну фамилию на двоих, – привлечший больше всего внимания к ним, из-за в меру сложного и в меру забавного произношения, а именно – Кабутерманнекины. Чаще всего из-за столь ломающей язык фамилии, которую правильно не мог произнести никто, ее без спроса делили на две части, давая одну половину – одному брату, а другую – второму, от чего впоследствии и получилось название «Мельница братьев Кабутера и Маннекина».

Вторая причина, подарившая братьям известность в Беллуно, заключалась в их привычке напевать одну и ту же песенку, по их словам, подслушанную у какого-то волка. Песенка оказалась невероятно въедливой и спустя пару недель многими подхваченной, вынуждая, без возможности выбросить ее из своей головы, продолжать напевать до конца рабочего дня:

Никому, никому не завидуем мы,
И никто не завидует нам.

Вслед за братьями-мельниками к мучной цепочке славного города присоединялся новоиспеченный пекарь Вертер, который для своей профессии был еще достаточно юн, но уже не страдал от переживаний, присущих его возрасту, и, в отличие от братьев-мельников, справлялся со всем один. Его пекарня располагалась сразу же после мельницы, около полей, и чтобы добраться до нее, Вертеру было необходимо выйти из своего дома, стоявшего чуть выше площади города, пройти пару метров до Улицы Первой Королевы – самой широкой и протяженной улицы в Беллуно, – а затем дойти непосредственно до площади. После нее Вертера ожидал поворот направо, прямо к высокому мосту, пролежавшему над спокойной Ундиной. За мостом начиналась окраина города и дорога, уходящая сразу в три направления: налево, к железнодорожной станции; прямо, в редкие леса с проторенной дорогой к ближайшему к городу и направо, к разнообразным постройкам, среди которых были не только упомянутые «Мельница братьев Кабутера и Маннекина» и «Пекарня юного Вертера», но и небольшой склад общего назначения с различными трудовыми инструментами, а также домик, являющийся перевалочным пунктом между рабочими часами и часами отдыха.

За фермерским домиком, по виду в некоторой степени походившим больше на сарай, расположились обширные,

вечно источающие резкий сладкий аромат виноградушки. Стройные ряды кустов привлекали любопытных насекомых и непослушных мальчишек, прибегающих для очередного воровства сладких ягод. Приторный запах опьяняюще бил в нос, настраивая фермеров на нужный лад. Виноградушки занимали почти все место под посеы, скромно оставляя кусочки земли пшенице и некоторым другим зерновым, по большей степени для пропитания скота. Сразу же после виноградушки и участка зерновых, буквально через тропинку шириной в несколько человеческих ступней, выступала в полтора метра высотой жердевая изгородь, огораживающая леваяды. Лошади единственные удастаивались моциона вблизи города, в то время как остальным животным место отводилось у горных пажитей.

Финальным рубежом Беллуно по эту сторону реки считался большой, протяженный по всей ширине леваяды скотный двор – место очень важное и, не смотря на простое предназначение, невероятно красивое, особливо в моменты закатов. В эти минуты жители Беллуно – от озорных детишек до влюбленных пар – забираются на высокую, размером с замковую, водонапорную башню томатного цвета, стоящую правее от скотного двора, и созерцают неопишуемую красоту простирающегося перед ними славного города, его окрестностей и непроглядной бездной Края, окрашенной в приглушенные цвета уходящего солнца.

А Вертер, пекарь, о котором мы совсем забыли закончить

повествование, преодолев весь этот живописный путь, каждый раз торжественно и с гордым видом входил в свою маленькую пекарню, носившую изначально, еще до его прихода, совершенно другое название, по мнению многих шибко интереснее – «Янтарная блажь». Вертер же был завистливым малым и постоянно раздражался, проходя мимо мельницы, носящей фамилию двух братьев. От этого наш юный пекарь не один год выбивал новое название для своего деревянного детища, еженедельно напрашиваясь к управителям города в Замок, и в конечном итоге добился своего. Воспользовавшись непременно заслуженным за настойчивость правом назвать свою пекарню по-новому, так, как он хочет, с соблюдением, конечно же, всех прав и норм морали, – Вертер, еще питаясь юношеской завистью, назвал ее самым простым вариантом, который для него казался единственно верным – «Пекарня юного Вертера». После этого случая наш выпечки дел мастер, не изменяя привычки, входил в свою пекарню торжественно и с гордым видом, ощущая чувство победы над невидимым противником, очевидным только ему.

Как только виноградари, фермеры, пастухи, братья Кабу-терманнекины и Вертер занимали свои рабочие места и настраивались на предстоящий день, с разницей в пару минут, следующей доминошной костяшкой в этой педантично вертикально-выстроенной цепи, становились и другие важные представители осуществления жизни Беллуно, подтягиваясь к своим рабочим местам. Лавочники вместе со своими по-

мощниками, носильщиками, различные мастеровитые ремесленники: шелкопрядения, плетения, кожевенного ремесла, кузнец, плотник и другие имеющие отношение к производственной системе города. Во всю начинали работать железнодорожные пути, запуская будто артерии по телу, непрерывное передвижение по всей Долине Осени, изобилующее к утру свежими торговыми поставками.

И лишь через пару часов, когда утренний дозор с патрулем успевал насчитать не один десяток оленей, на время и по ошибке выбегающих из чащобы; когда подходила к концу культивация первых кустов и посевов, скот достигал места выгулки, а пекарь, мельники, ремесленники, торговцы и их подмастерья уже успевали начать производственную цепь, наполняя свои лавки первыми товарами, в это же время день начинался в третий раз – уже для всех остальных жителей Беллуно.

Семья фон Дерихт входила в их число. После поступления Герты в институт знаний в Арзи и Альберта студентом-подмастерьем к профессору Теобальду прошло насыщенных полтора года. Упорная девушка преодолела свои проблемы и на данный момент скорее дружила, нежели враждовала с каждым из своей группы. Профессор Бюрен затянул свои исследования и все это время продолжал изучать феномен Края, от чего у Альберта была постоянная работа и он вошел в амплу полноценного ученика. Постаревшая еще сильнее Элиза все также продолжала заниматься делами по до-

му, иногда поддерживая связь с влиятельными друзьями из Замка. Хотя ее жизнь, по сравнению с внуками, и поддавалась изменениям в наименьшей степени, в ней за эти полтора года все-таки произошло небольшое изменение – Элиза решила посадить на заднем дворе дома саженец липки. Она не задумываясь сделала это – сразу же после того, как Альберт и Герта смогли окончательно определиться с будущим, и направили себя в дальнейшие русла – посчитав это важным событием, стоящим того, чтобы его как-то запечатлеть. Поэтому она посадила маленькую липу, окружила ее таким же миниатюрным деревянным ограждением из толстых палок, переплетенных бечевкой и периодически в течение дня выходила, чтобы стоять, угрюмо согнувшись в плечах, и наблюдать за ростом маленького деревца, которое не пережило толком ничего, но в которое было вложено так много. Со всем не поменялась жизнь только у вечно жизнерадостного, все такого же незаметного комочка глупой шерсти – Шнобеля. Он ежедневно, весело виляя своим хвостом, степенно ожидал очередных прогулок, издавая звонкие лающие звуки и одновременно совершая головокружительные обороты вокруг своей оси.

Сегодняшний солнечный и обволакивающе теплый день не был исключением из этих, так мимолетно пролетевших, полутора лет, от чего все, уже следуя своему точному графику и поставленной мышечной памяти – медленно начали вписываться в темп пробудившегося города.

Они бодро проснулись и начали быстро собираться. Элиза встала как обычно намного раньше остальных, и, пока внуки только готовились прибирать смятые постели, умывать свои слегка отекавшие после ночи лица, принимать душ и одеваться – Элиза к этому времени успела дойти до «Пекарни юного Вертера», купить там свежееиспеченный, еще горячий пшеничный хлеб с кедровыми орехами на пару с Беллунским граубротом, отличительная изюминка которого была в добавлении к серому хлебу семян тыквы и специй из душистых семян кориандра и тмина. По приходу домой Элиза спешно помыла руки, выложила на стол мягкий и воздушный, словно хорошо взбитая подушка, хлеб и во всю приступила готовить один из своих коронных завтраков, который она делала чуть ли не каждый день.

Для начала старушка достала медный чайничек с потрескавшейся деревянной ручкой, аккуратно протерла его и поставила подле плиты. Затем, из того же ящичка, из которого она достала чайничек, она взяла кофий, врученный друзьями и привозившийся ими периодически из Долины Лета. Элиза насыпала зерна так, чтобы их хватило по крепости напитка ровно на троих и приступила к их перемалыванию. Засыпав полученный перемолотый кофейный порошок в чайничек, она добавила к нему немного сахара и щепотку соли для раскрытия вкуса и усиления аромата. Далее следовало добавление мягкой воды, собранной из родника, находившегося на заднем дворе дома. И лишь после всех махинаций,

Элиза поставила чайничек на огонь в печь, предварительно ее распалив и, пока кофий начинал медленно прогреваться, она наконец приступила к готовке других, не менее важных атрибутов, своего коронного завтрака.

Она отрезала от свежескупленного пшеничного хлеба шесть кусочков – по два на каждого члена семьи, не считая собаки. Его корочка хрустела, но при этом внутри хлеб был невообразимо мягким. Единственно верным штрихом, имевшим возможность дополнить мучную симфонию оставалось жирное сливочное масло, заботливо нанесенное на каждый ломтик. В комнате начинало пахнуть карамельным запахом кофий. Элиза слегка приоткрыла окно, дабы выпустить наружу всю духоту, от чего к запаху готовящегося напитка, прибавился утренний, свежий, с нотками дерева, грибов, реки и чернозема, запах воздуха.

Тем временем бабушка Лиза перешла к следующему блюду, для чего понадобилось три куриных яйца. Она налила воду в кастрюльку и, поставив рядом с варящимся кофе, бросила туда необходимые ингредиенты. Со второго этажа дома отчетливо пробивался звук льющейся воды – Альберт или Герта только сейчас добрались до душа.

Покамест яйца и кофе медленно достигали готовой кондиции, Элиза взялась за последнюю часть сытного завтрака – мясные колбаски. Взяв сковородку и смазав ее на этот раз растительным маслом, она поставила ее вместе с колбасками на плиту – по сути своей, вторую печку, меньшую в разме-

рах и предназначенную исключительно для готовки. К сие моменту подошла пора снятия пенки с чайничка – сразу же сняв его с огня, Элиза подождала, когда напиток уменьшиться в объеме, а пенка осядет. Затем снова поставила его в печь и повторяла, пока счетчик не дошел до заветной цифры три. Тогда она окончательно вытащила чайничек и влила в него чайную ложку ледяной, родниковой воды.

И только после напряженного ритуального приготовления с поражающими воображение деталями бабушка Лиза взяла старинный кофейник и перелила туда приготовленный напиток, затем поставив на стол вместе с тремя фарфоровыми чашками, одна из которых была слегка сбита у каемки. Хлеб, смиренно ожидавший с момента нанесения масла на кухонной тумбе, был также перенесен на стол. При этом Элизе приходилось постоянно думать об аппетитно скворчащих колбасках, то и дело переворачивая их. Звук душа наверху временно прекратился, но лишь затем, чтобы с новой силой продолжиться – в ванную пошел кто-то второй, а в одной из комнат загрохотали шкафы и тумбочки.

Заметно уставшая Элиза сняла кастрюльку с яйцами, вытащив их – дабы не обжечься – с помощью специального приспособления, и филигранно поставила каждое в серебряные пашотницы, каждую к своей чашке. Настало время для финального аккорда – мясных колбасок. Старушка ловким движением вилки и ножа, не протыкая их, чтобы сок оставался внутри, переложила все три на общую тарелку, на этот раз

поставив ее возле кофейника по центру. Дело оставалось за малым. На кухне уже во всю хозяйничали неподвластные самому красноречивому поэту запахи готовки: пряные ароматы мяса, карамельно-сладкие нотки кофья, еле слышимый во всем этом многообразии запах варенных яиц – дом начал играть новыми красками. Ко всему торжеству ароматов вежливо вписывался запах благородного дерева – дом начал прогреваться от солнца. А финальной точкой – словно капли лимона на приготовленную рыбу – была свежесть реки, протекавшей буквально через пару метров от окна. Элиза достала серебряные приборы, творог и две стеклянные банки, липкие по бокам – одну с душистым медом, а другую с ежевичным вареньем.

Все было готово к трапезе, поэтому Элиза, как обычно, загоняя себя и устав уже под начало дня, села на стул, и направив свою голову в сторону лестницы на второй этаж, откуда уже не доносились никакие бытовые звуки, кроме неразборчивого разговора, громко, предварительно набрав полные легкие, крикнула:

– Завтрак!

С небольшой задержкой Альберт с Гертой появились на лестнице и, по всей видимости, продолжали дискуссию, начавшуюся еще после умывания, о каком-то предстоящем театральном событии, в скором времени должным проходить на главной площади, и давно необходимым наличием отдельного для таких мероприятий здания. По планировке до-

ма лестница у семьи Элизы была прямая, белесая с желтовато-красным оттенком, сделанная из дуба. Она была богато отделана косоурными балками с перилами и балясинами, на каждой из которых красовалась гравюра герба Беллуно – щит синего цвета с двумя, пересекающими друг друга по центру желтыми линиями, сверху на которых горделиво стояли два дракона-змея. Сверху над щитом ореолом возвышался Замок Беллуно, а снизу всю это картину опоясывали две веточки местных деревьев – рябины и дуба – перевязанные ленточкой, символизирувавшей устоявшийся мир. Весь остальной дом, состоящий из нескольких коридоров, прихожей и восьми комнат, среди которых было три спальни, две гостиные, кухня, обеденная и ванная, были отделаны в богатой манере с высокими потолками, в очередной раз подчеркивая значимость семьи фон Дерихт и заслуг ее предков перед славным городом.

Влюбленная пара спустилась, устремившись сразу к столу, однако, в коридоре их застиг Шнобель. Он был выучен не мешать хозяйке во время готовки и тихо ожидал своего времени в уголке. Поэтому, заметив своих высоких друзей, Шнобель дал себе волю и, начав энергично издавать звуки и вилять хвостом, закрутился вокруг Альберта с Гертой. За что был награжден приветствиями и ласками, правда не на долго, так как завтрак уже был готов, остывал и ждать никого не собирался. Наконец, возбужденные разговором ребята уселись за стол, а Шнобель побежал сноваться в гостиную.

– Доброе утро! – весело проговорили они в унисон.

– Доброе, доброе, – устало ответила Элиза. – Ешьте, пока холодным не стало, приятного аппетита.

– Приятного и тебе, ба, – ответила пара и каждый заулыбался от очередного синхронного ответа.

Над поставленными тарелками замельтешили руки, с вождением стараясь ухватить как можно большее количество дополнения для своего кусочка хлеба.

– Что, снова куда-то собрались? – начался ежедневный утренний расспрос внуков.

– Да нъет, ба, – Альберт взял инициативу на себя, стараясь при этом одновременно жевать и разговаривать. – Мы опфуждали, што пара бьы дафно поштроить одельное ждание, а не правадить шпектакли на площади, – здесь Альберт увлекся и, перестав совершать новые укусы, начал энергично пересказывать тезисы спора, не представляя более возможным держать свою точку зрения в неведении от Элизы. – Однако мы разошлись во мнениях: я считаю, что это может создать целый пласт новой культуры, когда люди будут приходиться не только ради самого спектакля, но и ради здания. Оно будет невероятно красивым: из мрамора снаружи и отделанное золотом внутри. У артистов будут свои помещения, где они смогут совершать туалет, а на сцене у них будет возможность репетировать и все равно никто не будет знать, что они покажут, поскольку репетиция будет закрытая. А в перерывах между актами спектаклей люди смогут есть лучшую пи-

щу, пить вино и обсуждать вместе просмотренное зрелище. Это здание начнет вдохновлять все больше людей, им станет интересно его посетить, а затем, возможно, и приобщиться к профессии артиста. После выступления мы будем, как это бывает и на площади, дарить цветы, но только в этом здании они не станут грязными после падения на каменную кладку, их не унесет наш буйный ветер – артисты просто с благодарностью их возьмут, и мы все будем стоять счастливые, не до конца понимая произошедшее, кто-то заплачет, а кого-то переполнит гнев от грустного финала, но мы все будем стоять под одной крышей, будем хлопать и понимать, что мы все часть одной большой семьи.

Он сделал небольшую паузу, чтобы перевести дыхание и теперь, когда его фантазия была уже выпалена – позволил себе откусить мясную колбаску запивая небольшим глоток обжигающего кофе. Элиза с Гертой удивленно уставились на него, привыкнув чаще всего видеть Альберта в роли тихони. Они продолжали молча сидеть, не позволяя себе притронуться к еде до тех пор, пока Альберт с набитым едой ртом снова не заговорил.

– Нью Гьефта считает па-другому, она говорит, што если не паштроить мешта для выштупления артштам, то в шкором времени им надаешт выштупать под дождями и тогда, – он сделал искусную театральную паузу, окончательно прожевал и проглотил еду, а затем произнес – *acta est fabula*.

– Чего? – уставившись, удивленно спросила Герта. – Ты

где таких слов-то набрался, милый? От профессора что-ли?

– От него самого. Ты сказала, что всем спектаклям, прошу прощения, карачун, с чем я в корне не согласен, потому что люди всегда будут стремиться к развлечениям и никакая оказия, в том числе капризы природы, их точно не остановит. – сказав это, Альберт замолчал и принялся активней поглощать невероятно, по его мнению, вкусный завтрак, который, однако, начинал понемногу терять свои тепловые качества.

– А я тебя и не прошу соглашаться, – с сардонической усмешкой ответила Герта, но тут же изменившись в лице на более благосклонное, продолжила. – Да и вообще, это сейчас не так важно, поскорее бы уже сам спектакль – не важно где!

– Шаглашен, мьялая. Интересно, кагда труппа приедет в этот раж и што они будут штавить. Я даве ш удовольштвием отдам пару лет швоей шкучной жызни – лишь побыштрее увидеть новое выштупление.

Элиза, которая весь разговор молчала и внимательно следила за столь тонкой, сколь и короткой перепалкой, казалось, услышала слова ее раздражающие, позволив себе тут же вмешаться.

– Будет вам, ребятня. Вечно вы куда-то торопитесь, – с упреком произнесла она. – Но ведь у вас столько времени впереди – вся жизнь! А вы так стремитесь приблизить будущее, будто в нем вы будете счастливее, чем сейчас.

– Ба, причем здесь счастливее? У нас и так все хорошо!

Мы всего лишь хотим, чтобы труппа быстрее приехала, а мы смогли бы увидеть спектакль. Вот и все. – ответила менее увлеченная едой Герта.

– Герта, послушай. – продолжала настаивать Элиза. – я как раз таки все прекрасно понимаю. Я рада, что у вас дела идут хорошо, есть цель и вы знаете чего хотите. Однако жизнь коротка, внучата. Я не говорю вам перестать мечтать, но торопить события? Наша Долина, в отличии от Долины Лета, например, позволяет вести более размеренный темп жизни. Даже сама природа благоволит к ежедневному ее созерцанию, а вы мало того, что не можете спокойно позавтракать со старухой из-за постоянных споров, так еще и свое время не цените.

– Бабуллита, не обижайся на нас, но и не преувеличивай, пожалуйста. Мы с Альбертом не спорим, а активно обсуждаем все, и то только потому, что нам интересно. И уж мы точно хотим позавтракать вместе с тобой. Но просто так как-то само все получается. Поколение сейчас быстрее живет, чем ваши в «былые времена», – появляется все больше новых активностей, например, спектакли. Наверное, отсюда и желание торопить события – для нас это глоток свежего воздуха.

– Да, Герта права. Ты извини, что суматоху вносим постоянно в твои спокойные дни, мы попробуем что-нибудь изменить, но и ты пойми, что раньше «как у вас» уже не будет. – подвел итог Альберт. – А теперь нам надо бежать.

Они кончили свой завтрак вместе с диалогом, который,

казалось, был привязан к трапезе и встали из-за стола. Альберт с Гертой поставили свою посуду: чашечки, тарелки и пашотницы в раковину, оказав тем самым, по их мнению, самую большую помощь, которую в их спешке они только могли позволить, оделись для выхода в свет, а затем, крикнув бабушке:

– Мы пошли! – в быстром темпе вышли на улицу, оставив за собой, по сути, незавершенный диалог, грязную посуду, устало-расстроенную поведением своих внуков Элизу и веселого, хоть еще и не выгулянного Шнобеля.

IV

По стечению обстоятельств, которые всегда складывались так или иначе безо всякого участия людей живущих, хотя порой они и верили в обратное, институт знаний Герты, как мы уже знаем, находился в другом городе, что несомненно подразумевало получасовую поездку на паровозе от Беллуно. Поэтому изначально ей требовалось дойти до железнодорожной станции, уже во всю работавшей к этому времени, сесть на свой рейс, дождаться отправления, а затем, по приезде, пройти ровно столько же, сколько обычно занимает дорога от дома до станции Беллуно.

Альберт, хотя ему и было совсем не по пути, как и полагается настоящему, воспитанному спутнику своей второй половинки, имел обыкновение Герту провожать и лишь затем направляться к профессору Теобальду. От железнодорожной станции ему следовало дойти обратно до моста, а затем резко повернуть направо, в противоположную сторону от своего дома к ремесленной лавке Фосса, что находилась в самом конце улицы. Дойдя до нее, Альберту следовало повернуть еще раз налево, встав таким образом лицом к Витторио Венето, и еще раз пройти до самого конца к порогу достаточно богатого подворья профессора, которое располагалось не с какой-то из сторон улицы, а являлось ее окончанием стрелы. Но сегодня, этим солнечным и прекрас-

ным днем, Альберту только предстояло начать свой очередной рабочий день и для этого ему сначала необходимо было проводить Герту.

Дверь дома хлопнула и пара молодых людей отправилась единственным и уже так привычным им маршрутом. Солнце ярко светило, прохладный ветерок игриво завывал, а водопад, находившийся в десятке метров от дома, как обычно продолжал надрывисто реветь. На площади были слышны радостные звуки бьющей ключом жизни, доносились ноты какой-то мелодии. После не самого приятного утреннего разговора осталась неразрешенным ядром загадочная тоска, от чего возлюбленным было немного не по себе. Они понимали, что были виноваты перед Элизой и могли быть куда более избирательными в своих выражениях, и уж тем более способны уделить ей больше времени за завтраком. Тем не менее решать возникший конфликт было уже поздно – Альберт с Гертой точно не собирались возвращаться домой только для сглаживания углов, поэтому выдохнув, каждый из них откинул от себя все негативные мысли, лишней раз бередившие непонятное чувство тоски и, сосредоточившись на погожем дне, уверенно зашагали в сторону станции.

– Думаешь, она на нас сильно обиделась? – почти сразу же разрушила молчание Герта.

– Думаю, что нет. Да, конечно, мы не очень хорошо с ней сегодня обошлись, но когда она на нас сильно обижалась?

– Все равно. Надо будет сегодня перед ней извиниться. –

Герта на секунду выпала из окружающего ее пространства, а затем, резко подняла руку и, щелкнув пальцами, подняла указательный к небу. – Устроим сегодня праздничный ужин!

– А?

– Праздничный ужин! Мы сможем извиниться перед бабуллитой – устроим семейные посиделки вечером. Я сегодня в Арзи после учебы забегу за свечами и разными украшениями. А ты купи сливки, радужной форели и красного сухого вина. Вдобавок я попробую забежать после учебы к Вертеру – нам определенно понадобится сладкая выпечка.

– Милая, мне очень нравится твоя идея – тогда так и поступим. Хотя я все равно и не понял, что за праздник такой. – рассмеялся Альберт. Ему стало легче от хорошей погоды, от разговора с Гертой и ее предложения здорово провести совместный вечер.

– Будто нам повод нужен – поддержала смехом Герта. – Будем считать, что это праздничный ужин в честь твоей идеи со зданием для спектаклей! – она снова прыснула, от чего невольно прикрыла свою милую, озаренную солнцем улыбку ладонью.

– Мне нравится!

Влюбленные, весь разговор шедшие со скоростью проведения черепаших бегов, успели проделать лишь небольшой путь, наконец поравнявшись с мостом и центром славного города Беллуно – его главной площадью. Площадь представляла собой внушающих размеров прямоугольник, располо-

женный перпендикулярно Замку и улице Первой Королевы, напрямик соединяющей две важные составляющие города. Центр Беллуно был наискось вымощен красным камнем, образуя интересный орнамент поваленных ветром фигур. По всему радиусу площади располагались мраморные фонтаны и различные лавки от травников до продавцов декоративной ткани из других Долин, харизматично занимающихся продажей своих товаров. Ровно посередине площади располагалась старая часовня, имевшая специальное строение, позволяющее одновременно носить функцию световых часов, циферблатом которых служила сама площадь, и средством оповещения событий. Вторая функция теперь использовалась редко, однако раньше часовня имела более важное значение, ее звон означал опасность приближающегося нападения, а следил за выполнением функции специальный человек – звонарь. Опасности ушли, ответственных звонарей не осталось и часовню лишь изредка использовали солдаты в высоких чинах. А каменщики-альтруисты продолжали сносно держать состояние исторически важной часовни на плаву.

Справа от площади находилась небольшая дубовая аллея, а сразу за ней, в противоположном конце от моста, начинался основной жилой квартал, заселенный людьми не такими богатыми, как семья наших героев, и не с такими просторными домами, но тем не менее с классическими для Долины Осени постройками и широкими улицами. Квартал, чем дальше он уходил от площади, незаметно растворялся в бос-

кете, начало которого ознаменовывалось с безобидных кустарников по щиколотку и плавно переходило в высокие кедры, пахучие липы, стройные рябины и другие деревья, пока окончательно не становился непригодным к расположению очередного домика.

Сегодня на площади выступали музыканты, судя по одежаниям прибывшие из Долины Лета. Ребята играли какую-то задиристую мелодию в быстром темпе. Альберту мотив показался знакомым, и он попросил Герту ненадолго остановиться. Всего музыкантов было трое, но на данный момент играло всего лишь два из них, оба на скрипках. После внимательного наблюдения Альберт наконец-то вспомнил, почему мелодия показалась такой знакомой, – он пару раз слышал, как ее напевал профессор. Ребята изо всех сил старались, хотя было понятно, что до уровня профессионалов им далековато, так как лучшие могли играть этот мотив в соло. Теобальд также поведал, что мотив оказался отличной проверкой навыков музыканта, и стал самой известной работой композитора, его придумавшего. Альберту от этого стало невосполнимо грустно, ведь он считал несправедливым такое отношение к творцу, отказываясь понимать устройство всего мироздания. На вопрос, почему одна вещь становится популярнее другой, профессор Теобальд Бюрен ответил лишь усмешкой и замечанием, что Альберт «слишком с лишком» думает о всяких несущественных вопросах, хотя мог уже давно принести чашку горячего чая и наконец нор-

мально подержать чертеж, уголки которого сворачивались внутрь.

– Ты чего задумался? – вернула его в реальность Герта. – Пойдем, а то я так опоздаю.

– А, да, прости. Все-таки хороший сегодня день, не считая ссоры, правда? – сказал Альберт, взял Герту за руку и вместе с ней продолжил идти.

– Наверное, ты прав, хотя я все еще немного переживаю по этому поводу. – Герта остановилась прямо на мосту. – Может нам правда стоит уделять больше времени жизни? Понимаешь, о чем я? – ее глаза были устремлены в сторону водопада.

Музыканты начали играть какую-то другую мелодию, на этот раз втроем, ее Альберт уже не знал. Солнце было в зените, его лучи ударялись в брызги Удины, создавая невероятной красоты свечение, с небольшой радугой у основания. Освежающий ветерок немного поуспокоился, однако, его все равно хватало, чтобы донести ароматы пекарни Вертера, игриво теребя волосы на макушке.

– Да. Только до спектакля я бы время все равно пропустил, – они вместе засмеялись и за разговорами, уже в более быстром темпе, отправились до станции.

Беседа вышла увлекательной и дорога у Альберта с Гертой, занимавшая обычно больше времени, незаметно пролетела, настолько, что пара не заметила, как подошла и стояла у станции уже на расстоянии легкой возможности разглядеть

в мельчайших подробностях великолепный, сильно протяженный паровоз. Не стесняясь окружающей его толпы, он иногда зазывающе повизгивал, готовясь к приближающейся пробежке. Людей было много: кто-то, как и Герта, собирался на отправку, другие, наоборот, недавно прибыли и выясняли нужную им информацию у работников станции.

Вдалеке стоял настоящий грузовой монстр, а возле него с десяток джентльменов, выяснявших в грубых тонах, с использованием неджентельменских слов, отношения друг с другом. Жизнь кипела как машинное масло, легкие нотки которого вмешивались в происходящее. Совсем рядом слышались крики о скорой отправке нужного Герте рейса. По правде, кричали все, с желанием стараясь донести любую информацию и перепрыгнуть звуковой барьер. Звуки радости и горя – нет, не Край делал Белунно особенным, не его архитектура, культура или люди – железнодорожная станция, вот, что делало. И понять это представлялось возможным только людям, жившим здесь все свои года – размеренность и плавность растворялась в этом месте, суэта начинала заигрывать с тобой еще от перехода моста, но от этого явления не становилось мерзко или неприятно, наоборот, казалось, что веселье только увеличивается. Такое веселье, когда ты сам не понимаешь причины, но все вокруг становится прекрасно – у тебя замечательные планы на предстоящий день, ты рядом с любимым человеком, а утром ты приговорил самый вкусный завтрак на свете и даже небольшая семейная

перепалка не разрушает это веселье, а только подстегивает. Ты представляешь вкус примирения с помощью устроенного праздничного ужина и легкую тяжесть во всем теле после окончания дня – лечь спать и забыться в темной пустоте. На этой мысли Альберт смог заново собраться и прийти в себя.

– Что ж, – начал он, окончательно выпав из потерянного состояния, которое по обыкновению бывает всегда после насыщенных разговоров, в добавок приправленных окружающими событиями и мыслями, так необходимыми для внутренней полноценности – вот мы и на месте. Хороших тебе занятий сегодня, милая. И не забудь, пожалуйста, в дополнение к свечам и украшениям купить бумаги для чертежей, а то Теобальд мне потом целую неделю будет припоминать.

И сразу же, как только он кончил говорить, с широкой улыбкой на лице потянулся к Герте, давая ясно понять, что собирается ее обнять. На что, естественно, получил разрешение и был встречен теплыми руками, охватившими его крепко за спиной.

– Да, я все помню, сегодня привезу обязательно, не хотелось бы потом выслушивать от твоего профессора, какой ты безалаберный, – шутливо и в хорошем настроении, продолжая крепко обнимать, ответила Герта, на что Альберт отреагировал смехом до первой слезинки.

– Это точно, порой мне хочется взять его ужасный тубус и настучать ему по голове, настолько он иногда кажется надменным. Но потом я вспоминаю, что тогда он точно переста-

нет давать мне монеты и уж после такого мне только одна дорога – в леса, собирать для Вертера ягоды и орехи.

– А что, звучит неплохо!

Пара снова звонко рассмеялась и наконец отпустила друг друга, теперь просто стояв и всматриваясь внимательно в глаза, будто предстояло расставание не на учебный день, а навсегда.

– Я думаю, у него нет цели казаться таковым, он ведь постоянно в работе и сомневаюсь, что у него остаются силы на соблюдение норм этики. – внезапно добавила Герта.

– Да я не жалуюсь, если быть честным. Так подумать, то он забавный и ведет себя во многих моментах даже лучше, чем я мог бы ожидать.

На станции повторно раздались предупреждающие крики о скором отбытии паровоза, информирующие помимо прочего, о необходимости всех пассажиров разойтись по местам, дабы не возникло никаких неприятностей и недопониманий. Альберт с Гертой крепко поцеловались, настолько крепко, что их поцелуй можно было бы охарактеризовать как «в десна» и после него, стоило только Герте сделать шаг, внезапно раздался звон колоколов.

Одновременно с этим звоном все, кто находился на станции, повернулись в направлении часовни. Перед людьми, собирающимися через пару минут отбыть по своим делам, перед теми, кто уезжающих провожал, перед всеми работниками станции: машинистами, информаторами, механиками,

грузчиками и всеми остальными джентльменами, коих перечислить в такой сильной суматохе представляется невозможным – предстала жуткая картина, подвергшая в ступор абсолютно каждого. Сразу за площадью, в квартале жилых домов, в том самом, который находился правее всего вперемежку с боскетом, происходило нечто совершенно ужасное. На улицы стремительно вытекали тени непонятных фигур, нескончаемо прибавляясь в своем количестве. Огромная разрушительная масса ползла, поджигая дома и хладнокровно убивая всех попадавшихся ей на пути, будь то мужчины, женщины или дети. Со станции отчетливо виднелась неумолимо расширяющаяся опухоль, внушавшая возможность поразить весь город целиком за пару ближайших минут. Избежать полнейшей катастрофы помогли немногочисленные солдаты Беллуно, мгновенно отреагировав на внезапное нападение и остановив его в районе Дубовой аллеи. Однако ситуация оставалась критической – правая часть города была отдана в считанные мгновения и всюду похлахла, численность войск давило жуткой ограниченностью, а в воздухе смердело смертью. Лишь небольшой виток черного дыма, плавно поднимавшийся из-за леса, чуть дальше стороны нападения, растворяясь сразу после пересечения крон на удивление вызывал умиротворяющее чувство, среди всей вакханалии, что происходила в Долине Осени на данный момент.

Увиденное, подобно электрической цепи, тут же переда-

лось всей станции, поднялась вторая волна паники, еще более страшная, чем при обнаружении звона колокола, что в свою очередь дало незамедлительную реакцию – паровоз срочно тронулся, не дожидаясь всех пассажиров и не предупреждая о своей отправке. Гадать о причинах такого поступка достаточно тяжело, потому что не понятно, стало ли машинисту настолько страшно, что он решил уехать или же он посчитал лучшим решением эвакуацию хоть какой-то части людей от потенциальной опасности, отправившись в срочном порядке, стоило только увидеть весь тот ужас, происходивший вне его уютной кабины.

Люди кричали и разбегались в разные направления – кто в леса или за самим паровозом, кто в сторону полей, в надежде спрятаться в помещениях скотного двора, кто в сторону главной площади, а самые испуганные, разум которых отдался безумию – побежали в сторону своих домов в надежде спасти самые ценные вещи. Но как известно: потеряешь рассудок – потеряешь все, поэтому люди, столь сильно поддавшиеся страху – погибли, а спастись повезло лишь раненым, оставшихся лежать или в последний момент одумавшимся. Однако большая масса, которая хоть и паниковала, своей внутренней частью, отвечающий за самосохранение, сломя голову побежала в Замок – единственный защитный оплот Беллуно. Возможно, Альберт с Гертой поступили бы не задумываясь точно также, но у них был близкий, дорогой человек и верный пушистый друг, что означало только одно.

– Скорее, нам нужно быстрее к бабуллите. – Выкрикнул Альберт и, схватив еще окаменевшую от чувств Герту за руку, побежал вместе с ней к дому.

Они спешили, как только могли, понимая, что их пристанище находится перед происходящим крошечным адом и у них еще есть шанс добраться до Элизы. Перебегая мост, пара заметила яростно стремящихся навстречу Элизу со Шнобелем.

– Что происходит? Вы в порядке? – впопыхах, бросив первым вопросом пришедшим на ум, поинтересовался Альберт.

– Да мы-то в порядке, вы как? – задыхаясь еще больше, чем собственные внуки, смогла выдавить Элиза.

– Нормально, все с нами нормально. Вам всем срочно нужно бежать в Замок. – Слегка завышенным голосом из-за шока происходящих событий продолжал Альберт. – Герта, милая, послушай, беги вместе с бабуллитой и будьте предельно осторожны – ты поняла?

– Нет! Я пойду вместе с тобой! – после продолжительного молчания, будто наконец осознав происходящее, крикнула Герта. – Сражаться я тоже смогу, только оружие дайте, да и за тобой кто-то должен следить, а бабуллита сама справится, в Замке безопасно.

– Нет, и слышать ничего не желаю. Пока мы тут пытаемся что-либо решить, какие-то люди убивают и сжигают все вокруг, попутно продвигаясь все глубже в город, а значит, что и дорога к Замку становится опаснее с каждой секундой, по-

этому не выдумывай и хватит со мной пререкаться, я миндальничать не буду. Хватай Шнобеля на руки и бегите все вместе, убедившись, что дорога безопасна – поняла? – Повторил он еще раз после нотации.

– Герта, – вмешалась Элиза, пытаясь отдышаться после небольшой пробежки от дома до моста – Альберт прав, куда тебе на поле боя? Лучше поможем раненым в Замке, их наверняка много – это тоже важное дело. Но и ты, Альберт, даже не думай проявлять кичливость и лезть впереди всех, лучше отправляйся за помощью в Седико – это ближайший к нам город, кто знает, возможно, мы и успеем продержаться, если ты поторопишься на лошади.

Альберт кивнул, он без лишних слов понимал, что это будет лучшим для них вариантов, и на поле боя он мало будет полезен. Герта же с наворачивающими на глазах слезами, согласилась неохотно, но тоже понимая, что так надо – ловким движением, будто кошка прыгнула в руки Альберта, поцеловала и крепко его обняла.

– Т-т-ты береги себя только, хорошо? Я без тебя не справлюсь.

– Все будет хорошо, милая. Вы тоже берегите себя и приглядываете друг за другом.

Весь этот разговор шел меньше минуты, они молча еще раз переглянулись, переглянулись с той грустью и решимостью, которая только может быть в такой момент и каждый направился в оговоренном направлении – Альберт побежал

обратно через мост – к конюшням в скотном дворе, а остальная часть семьи фон Дерихт в свою очередь побежала по набережной улице вплоть до дома Бруденных, потом направо и затем, спустя дюжину метров, сразу же налево – в последний на данный момент безопасный оплот славного города Беллуно.

Бой на некоторое время увяз в болоте тел, разрухи и пыли. Продвижение нападавших на время остановилось, из-за чего все также не имея возможности толкнуть сражение на самую площадь, им приходилось продолжать воевать на ее подходах. Часовня давно перестала звенеть, повсюду лежали тела: умирающие и мертвые, раненые и искалеченные. В воздухе горчил сладковатый смрад гари и жареной плоти, падая как мертвые птицы с неба прилетали редкие стрелы – Элизе и Герте со Шнобелем на руках приходилось ловко маневрировать, дабы не оказаться жертвой неудачной случайности. Пространство заполнил звук неумного боя: ужасающие крики, лязг металла, треск древесины, хруст костей – места стало настолько мало, что Ундина и ветер вежливо умолкли, сейчас их все равно никто не услышит. Но не смотря на весь этот ужас, семья Дерихт, хоть и не в полном ее на данный момент составе, смогла безопасно добраться до Замка. Как раз вовремя – главный мост собирались поднимать через несколько минут.

Они пересекли мост, лежавший над беспокойным рвом, и, запыхавшись, перешли на быстрый шаг. Вокруг образова-

лась массивная каменная стена, ложившаяся одной из своих сторон легкой тенью на новоприбывших со стороны входа, – солнце возвещало о приближении дня, световое время в Долине Осени шло быстро. Редкие ряды лучников стояли на башнях, пока что безучастно наблюдая за происходящим на площади. Спустя пару десятков метров и второй стены компания достигла донжона. За спиной послышался крик предупреждения о закрытии ворот, за которым последовал металлический лязг цепей и глухой, как приговор, удар массивного сруба о камень.

Герте стало легче, она немного поуспокоилась, к ней вернулось ощущение безопасности, и она выпустила Шнобеля из рук. Все, что теперь Герта должна была делать, – бороться за жизни других в виде оказания первой медицинской помощи. Зато Элизе легче не стало, мысли ее были озабочены совершенно другим. В голове изначально звучал другой план и был он задолго до того, как они разошлись с Альбертом. Она собиралась спуститься в Осенний Колодец и навестить там своего, давно покинувшего Мир Живых, деда.

V

Ночь, чащица, глухарь, отрепья,

Неумолимый, хладный гнет.

Живи еще хоть два столетья –

Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала

И повторится все, как встарь:

Ночь, ледяная сталь кинжала,

Отрепья, чащица, глухарь.

Последовал громкий хлопок закрытия кожаной записной книжки. Фьорд Йоханссон – талантливый новичок в армии Зимних людей, весь дрожал, хотя и покинул, вместе с другими отрядами пронзительно холодную Долину Зимы около недели назад. Сейчас они находились в сырых, пропахших лиственным перегноем, грибами и черноземом, боскете, в густом словно молоко тумане. Солнце лениво пыталось начать свои обязанности и пока лишь слегка пробивалось сквозь кроны деревьев, что для Фьорда уже было достаточно удивительным явлением – в Долине Зимы солнце было редким гостем. Чащобу пронизывал освежающий ветер, из-за влажности становившийся немного кусачим. Новичок дрожал, но не из-за погоды, а от переживаний наступающего боя, который уже маячил на горизонте, извещая о своем скором продвижении. Даже война, сулившая начаться после се-

годняшнего боя и породить в дальнейшем еще больше кровопролития, за которыми никакие девы-воительницы наблюдать точно не будут, со множеством разрушений и последствий, в дальнейшем ведущие к сожалениям – его так не занимала, как мысль о предстоящем будущем.

Фьорд по своей натуре человеком был пугающе нервным, всего боялся и искал плохое даже там, где остальные видели только хорошее. К наступлению позднего юношества, спустя годы тяжелейших усилий над собой, закономерно оставшихся никем не замеченными, ему удалось подметить свои сильные и слабые стороны характера – он придумал действенный способ, всегда помогавший ему успокаиваться и отвлекаться от происходящих вокруг событий. Выход нашелся в поэзии – он писал ее, зачастую не сложную, без излишних хитростей и изощренных литературных реминисценций, но все равно писал, когда было страшно или нервозно, – а она продолжала его успокаивать.

Йоханссон презирал армию – он не понимал, как можно отнимать жизнь другого существа, будь то человек или животное, и уже тем более не хотел понимать, как затем этим можно гордиться, рассчитывая на одобрение, кровью в молоке смешанное с благословлением от своих командиров. Но его семья считала иначе – в Долине Зимы необходимо было не покладая рук работать, чтобы выжить – условия были непосильно тяжелыми. Продолжительность жизни была высока и на всем ее протяжении имелась необходимость

обеспечивать себя сытной едой и теплым кровом. Положение усугублялось официальным правилом об ограничении и контроле деторождения. Кому-то от него становилось легче – бремя ответственности не возникало напоминанием о других, а кому-то кардинально сложнее – требовались лишние руки. Правда заключалась в вынужденной мере, как схожий с Долиной Осени результат высокой продолжительности жизни. Местные управители боялись ужасного перенаселения, грозившего, по их мнению, необратимостью последствий, обязательно ведущих к вымиранию всех Зимних людей. Всем, кому такой подход приходился не по душе – отправлялись либо в другие Долины, либо бесконечно путешествовать по никому не принадлежавшим землям. Но изощренность действий беспринципно приводила к результатам заурядным – человек насытившись килограммом капусты не станет утверждать, что килограмм картошки на это не способен. Осознанное расставание с родным домом в поисках лучшей жизни приводило к жизненным испытаниям и бесславной смерти с призрачной надеждой на счастье.

Из всех сторон света – Долину Зимы жаловали меньше всего, от чего искусственного притока почти не наблюдалось, за исключением людей творческих, ищущих вдохновения или совсем отчаянных, пытающихся найти приключений или честную, тяжелую работу. Долины в целом мало знали друг о друге – после Великой Войны все превратилось по большей степени в затворников – любое сообщение отсут-

ствовало, никто не хотел тратить средства на прокладку торговых путей для безопасной транспортировки грузов. Смещение людей казалось отрицанием сознательности – большинство желали жить в своем мирке и либо боялись, либо питали откровенную ненависть к другим Долинам. Конечно, право прохода после давней войны имелось у каждого и некоторые не брезговали им плодотворно пользоваться – художники, писатели или преданные делу ученые наподобие Теобальда Бюрена. Глоток свободы. Вызов. Вдохновение! Вдохновение! Иногда заснеженные земли посещали случайные искатели приключений, кто-то из них даже пускал корни, а кто-то обретал друзей, раз за разом их навещая. Коммуникация между четырьмя Долинами безусловно существовала, но не заходила дальше вышеперечисленного – люди с каждым новым поколением сильнее забывали историю и культуру других народов – все превратились в жалкий, обособленный комок, связанный рамками своей Долины, с земли казавшейся необъятной, но с неба – ничтожной.

Посему, когда начали ползти слухи о предстоящей войне с Осенними людьми, а управители сообщили о снятии ограничения воспроизводства людей с условием полного неразглашения – никто не придавал этому никакого значения, никто и не узнал об этом. Границы закрыли, а всех желавших попасть внутрь – грубо прогоняли, ссылаясь серьезным ухудшением погодных условий на ближайшую четверть столетия, которое было чревато ужасающими последствиями для находив-

шихся в Долине Зимы. Переселенцев, которые уже проживали на территории Долины выгонять не стали, посчитав, что это вызовет нежелательные подозрения. А все важные указы, как набор армии и снятие ограничений на рождаемость преподносились вынужденной мерой для разрешения экономических проблем Долины.

Когда тревожные слухи вместе с интригующими новостями и строгими указами дошли до семьи Фьорда – она безоговорочно решила о военной необходимости свою семью расширять. Обожание родины сказывалось на готовности делать для нее все, что потребуется – стоит только об этом дать знак. В результате Фьорд начал становиться свидетелем, как из единственного и не повторимого, он превращается в первого и вторичного. Однако судьба не благоволила планам родителей и все три новых домочадца – оказались девочками. Мать Фьорда, как и отец, были готовы на все ради Долины, но только не на то, чтобы их дочурки, такие нежные, хрупкие, со звонким смехом – хотя на самом деле каждая из них весила при рождении под пять килограмм и по строению тела вызвала перспективы стать визуальным синонимом слова внушительный – стали частью военной машины. Из-за этого семейное давление окончательно опустилось на Фьордовы плечи и каждый день для него становился отдельным испытанием. Вариантов было немного – сбежать из Долины ему бы теперь никто не дал, пристроиться в любую отрасль тоже, из-за имевшейся нужды в армии, а не обычных

работниках. Поэтому, с камнем на сердце, распрощавшись со своими принципами, Йоханссон пошел в армию. Свобода была куплена кровью.

Прошло несколько лет и Фьорд стал одним из лучших – он усилил физическую форму, научился хорошо фехтовать, метко стрелять из лука и четко выполнять приказы – его вела мысль, что если научиться делать все хорошо, то в итоге любовь к армии раскроется. Но он ошибся. Семье было более чем достаточно его умений и похвалы со стороны старших командиров – они гордо, с предвкушением ждали дня наступления, зная, что он скоро нагрянет, и их сыну предстоит сражаться. В этом семья оказалась совершенно правой – спустя три года с момента как Фьорд вступил в армию – власти Долины Зимы дали распоряжение о нападении на Долину Осени. В официальном указе не было ясной цели зачем – речь велась о каком-то «мстительном воздаянии за старые военные преступления против жителей Долины Зимы, чьи родные и близкие не смогли вернуться домой и пали от пагубной руки другого народа, безжалостно расправившегося с невинными потомками Асов». Но на деле все понимали – причина крылась в неизвестном богатстве, информация о котором возникла достаточно давно и по домыслам была передана нужным человеком, работающим шпионом-информатором в Долине Осени.

Солдат распределили в окончательные подразделения и ненавистнику насилия с его высокими навыками военной

службы досталась роль одного из членов отряда специального назначения. Самая ответственная и сложная в своем исполнении задача теперь была возложена на них. После проникновения на территорию Долину Осени – которая как в дальнейшем оказалось, охранялась всего пятеркой солдат, никак не успевших отреагировать на нападение – отряд Фьорда должен был отделиться от основной армии и взять немного восточнее основного вектора нападения. На месте им необходимо было выждать пока другой отряд – диверсионный, повредит железнодорожные пути. Нападали они, к слову, на город под названием Беллуно – по плану властей, первой целью нападения должен был стать ключевой город всей Долины. К тому же, по последним данным информатора, именно в Беллуно находились несметные сокровища Долины Осени, которые пока что были не достигаемы в своем заполучении. Именно здесь начиналась работа для отряда специального назначения. После разрушения путей диверсионная группа обязана была вернуться и проинформировать о сделанной работе, силой инерции толкнув основную армию к немедленному выдвигению. Выступая, ей следовало зажечь костер из смолянистых веток, давая таким образом командиру Йоханссона сигнал к действию. План заключался в том, что пока основная армия занимала бы город, выманивая и разбивая силы противника, – специальный отряд без лишнего на то сопротивления, как можно незаметнее должен был проникнуть в Замок. Его мост должен был под-

нять все тот же шпион, являющийся уважаемым лицом в Долине. Затем ему предстояло сопроводить отряд к так называемому «Осеннему Колодцу», известному под таким названием среди Осенних управителей – именно он, согласно всей информации и фактам был входом в несметную сокровищницу. Заключительным аккордом должен был прозвучать захват донжона со всеми укрывающимися людьми и управителями внутри.

Так должно было быть, но все шло не по плану. В Долину Осени армия попала неприлично позднее запланированного – множество слабых новичков давало о себе знать – они не были готовы к длинным переходам и резкой смене климата. К тому же, время шло уже к утру, а сигнала о наступлении все не поступало. Фьорд продолжал сидеть в туманном лесу, сверху с листьев деревьев падала утренняя роса, дрожь никак не проходила, и он снова решил открыть свою записную книжку.

Мы все здесь – словно на

убой.

Не измерима глупость

поколений.

Запомни все, что видишь – ведь

последний.

Пейзаж, и час, и день

настал.

– Фьорд, прекращай ерундой заниматься, мы выдвигаемся. – Прозвучал чей-то голос, похожий на командира.

Фьорд поднял голову. Сквозь туман и густые кроны деревьев теперь был виден тоненький виток черного дыма.

VI

Внутри донжона творился полнейший хаос. На полу лежали раненные, которых успели занести до поднятия моста, либо успевшие самостоятельно, со стрелой в лодыжке или порезом на предплечье добраться до безопасного места. Кто-то пытался оказывать им помощь, другие паниковали и не знали, что делать, забившись по углам опираясь о стенку и обнимая подогнутые колени. Одним из таких оказался Вертер, очевидно, потерянный от происходящего – бедолаге сильно повезло, что он успел добежать до Замка. Элиза также заметила во всей этой неразберихе братьев-мельников, соседей по улице – Лавецки и много других знакомых, которых старушка знала по причине почтенного возраста и насыщенной жизни в прошлом. Знакомых было много, и они мелькали повсюду, пока управителей города нигде не было видно – по всей видимости, они скрывались на самой вершине каменного сердца. Очевидно, никто не был готов к нападению, и никто не знал, что нужно предпринимать.

Элизе нужно было добраться до Осеннего Колодца, местоположение которого было недоступно и неизвестно большинству жителей Долины. Во-первых, территория донжона в обычных обстоятельствах была всегда закрыта для обычных людей. Удел для мнительных господ. Во-вторых, назначение и мир, лежащий под Колодцем – намеренно скрыва-

лись на протяжении столетий. Он жертвой стал забытых вод.

Чтобы добраться до цели необходимо было насквозь пройти главную залу, в которой Элиза вместе с Гертой, Шнобелем и десятками раненых сейчас находились. Затем, в какой-то момент слегка завернуть, пройти на этот раз залу поменьше и оказаться во внутреннем дворике, окруженном великолепным ограждением с золотой инкрустацией, создающей слепящие блики от солнца. В этом дворике и находился Осенний Колодец – очередная тайна Долины Осени, скрываемая словно нежелательная младшая сестра, добавляющая свою напасть к нашим представлениям о страховодстве. Любой посторонний, принадлежащий по рождению другой Долине, при попытке проникнуть сюда без сопровождения Осеннего человека – превратился бы в ворох листьев, унесенных тотчас ветром. Со внутренней стороны Колодца, ровно во втором ряду каменной кладки необходимо было подцепить, а затем вытащить три кирпича, за которыми лежала дубовая канатная лестница. После этого – решимость предвосхищала путь.

Но сначала Элизе нужно было отделиться от излишне беспокойной Герты – там, куда она направлялась, лишние люди, играли бы роль грузного балласта. Не придумав ничего умнее уже сказанного, она нарекла ей оставаться помогать раненым, пока сама отправится наверх – к управителям, обсуждать план предпринимаемых действий. От не прекращающего воздействия шока девчущка, ожидаемо к радо-

сти Элизы, не стала задавать лишних вопросов и на удивление не пререкалась, а немного погодя – забвенно зашагала к остальным.

Оставался Шнобель и длинноволосая старушка, не предаваясь мукам рационального мышления, взяла пса с собой, под мышку, понимая, что в состоянии туго натянутой струны, в котором находился Замок сейчас, Шнобель бы точно пропал или еще хуже – был бы затоптан. А Герта, будучи впервые настолько потерянной – заведомо не могла за ним уследить. Поэтому, убедившись, что внучка перевела внимание на помощь раненым, бабушка Лиза, пошла в сторону внутреннего двора уже с комком шерсти в руках. На выходе из главного зала ее остановили два солдата, с типичными для людей военной выдержки, постылыми лицами. По их словам, им велели никого далее не пропускать и на выполнение приказа настроены солдатики были серьезно. Впрочем, после возражений Элизы и краткого упоминания истории семьи фон Дерихт – один из стражников ее мгновенно узнал, извинился и пропустил без лишних пререканий.

Наконец она оказалась во внутреннем дворике – подготовительная часть плана была выполнена, но самое сложное еще оставалось впереди. Элиза усадила Шнобеля на гладкий газон, давая себе время немного передохнуть и собраться с мыслями, попутно разглядывая внутренние стенки Колодца. Найти потребные кирпичи не составило какого-либо труда и вместо того, чтобы их аккуратно достать и положить невда-

леке с расчетом на необходимость обратного действия, когда она будет вылезать – Элиза подумала об излишней беспокойности такой мелочи в столь критичной ситуации. Поэтому, ловко поддев пальцами – она без сожаления сбросила увесистые кирпичи поочередно вниз. Спустя десяток секунд ответом на ее действие послужили три последовательных глухих удара с примесью отзвуков отколовшихся каменных кусков и крошки.

Спуск вниз был подготовлен и устремлялся в необъятную тьму, конца которой не было видно. Настало время спускаться и Элиза, снова не желая оставлять Шнобеля одного, пусть уже и в безлюдном дворике, с хозяйской нежностью взяла его вновь под мышку. Вместе с ним она подошла к Колодцу и на некоторое время впала в забывчивое состояние схожее со сном или мечтательностью. Спустя пару секунд или минут – в таком состоянии сложно точно определять время – она пришла в себя, аккуратно, чтобы не повредить себе шею, встряхнула головой и взглянула на верного пса, не до конца понимающего, что происходит.

– Ты, главное, не переживай, родной, ладно? – произнесла Элиза. – Когда будем спускаться, постарайся не дергаться, а то хозяйке будет тяжело, хорошо? – И затем, немного погодя, добавила, – Тише спускаешься – целее будешь, правильно?

На что пес ответил лишь взволнованным скулением, как бы подчеркивая, что понял все сказанное, что он доверяет

хозяйке и будет делать так, как она сказала, но ему все равно самую малость не по себе. Элиза осторожно перешагнула через стенку Колодца, нащупывая правой ногой первую ступеньку. Убедившись, что все порядке и можно двигаться дальше, старушка перекинула вторую ногу и начала медленно спускаться. Она осторожно перебирала ноги и одновременно с этим быстро перехватывала одной рукой очередную округлую деревяшку, застывая между этими сложными махинациями на пару секунд без поддержки. Совершать все это, спускаясь в темный и сырой Колодец, от которого вдобавок веяло мертвым холодом – было довольно проблематично, от чего все приходилось делать крайне медленно, но при этом все равно неаккуратно, так как мозг то и дело норовил поторопить тело. Спуск также осложнял Шнобель, который хоть и был собакой размером с кошку, все равно имел вес – в подобного рода ситуации, особенно для старушки таких лет как Элиза – многократно приумножавшийся, не говоря уже о том, что просьбу хозяйки Шнобель игриво проигнорировал и то и дело вертел своей мордой, пытаясь уразуметь происходящее вокруг. Бабушка Лиза хотела было начать жалеть, что взяла его с собой, но тут же представила возможные переживания, оставь она его в жуткой суматохе наверху и отбросила подобные мысли в сторону.

Осенний Колодец казался безмерно глубоким, хотя на деле по заверениям старых писаний, канатная лестница не превышала длину двадцати метров. Элиза все продолжала спус-

каться и спускаться, стремительно теряя силы. Мерно затухали звуки кровавой сумятицы – казалось, будто она происходит где-то вдальеке, а не над головой в соседней зале. Примерно на середине этих ненавистных в данный момент Элизой двадцати метров, у нее начало сводить в судороге мышцы рук, а ноги капризно стали ослабевать. Конца не было видно и казалось, что если он и наступит, то сугубо в виде завершения жизненного пути. Двадцать метров скользкой деревянной лестницы, ведущей во хладную тьму, из которой бессовестно дул гудящий сквозняк, с собачонкой, хоть и небольшой, но собачонкой, в одной руке и быстрые перебирания округлых перекладин другой на фоне отсутствия каких-либо физических усилий за последнюю сотню лет, под приглушенный аккомпанемент воплей, грохота и стука – все давило тяжелым грузом на нее, давило настолько, что она вспомнила свои же слова, произнесенные Альберту с Гертой на завтрак – о неспешности жизни, о необходимости ловить момент и жить не прошлым с будущим, но настоящим. Именно неспешной казалась ей жизнь, хотя на самом деле это был очередной самообман, которым пропитаны жизни существ человеческих, дабы в очередной раз убежать и забыться. От чего даже ситуации и моменты, протекавшие стремительней реки Ундины у ее самого устья перед падением в бездну Края – все эти отрывки, а может местами и обрывки жизни – все они одинаково со временем искусственно забальзамировались в формальдегиде воспоми-

наний. От прошлого не убежать, от будущего не скрыться. Погруженная внезапно в эти размышления Элиза, отвлекшаяся ото всех мешающих факторов, не заметила, как преодолела оставшуюся половину спуска.

Коснувшись старческими ногами твердой поверхности Элиза первым делом отпустила пса – руки уже не отзывались болью, она их просто не чувствовала. Шнобель же, радостный от того, что может снова сноваться и вдоволь беситься – принялся наворачивать круги вокруг хозяйки, лая и виляя хвостом. А та, сперва оглядевшись, заприметила рычаг, в паре метров находившийся от спуска, и неспешно к нему побрела. Отвечал этот рычаг за систему освещения двух основных рукавов катакомб, пролежавших от спуска в Колодец до Оссуария и Сокровищницы Долины Осени. При его активации специальный механизм поджигал масляные лампы, вкрученные в потертые деревянные балки, служащие подпорками всем подземным путям. Каждая из ламп была соединена единой трубой, сокрытой в стенах, которая в свою очередь ползла вверх, прямиком в главную залу донжона и достигая поверхности, представляла собою большую декоративную чашу, формами и очертаниями напоминающую статую Осеннему цветку Гелениуму, где вместо шапки восхитительных солнечно-желтых, багрово-рубиновых цветков небольшого размера, находились отверстия. В них, в качестве обязательного ежемесячного ухода за лампами, бережно заливали масло. Оно медленно растекалось и затем пора-

жая множество отдельных маленьких каналов, достигало в конечном итоге каждую из ламп. Свет возникал посредством активации сложного устройства, состоящего из двух кремниев в форме колесиков – привидение рычага в действие заставляло одно из них резко дергаться, создавая таким образом искру и поджигая торчащий конец фитиля, закрепленного над маслом.

Два туннеля озарились теплым оранжево-красноватым светом из-за характерного перелива стекла окутавшего лампы. Используя эту махинацию как небольшую отдышку Элиза вместе со Шнобелем снова продолжили путь, резко прибавив в своем шаге, правда, ненадолго. Не далее, как пару метров после канатной лестницы, начинался покатый – покрывшийся тонким слоем льда – спуск, уходящий хоть и под небольшим, но вполне достаточным, чтобы скользить без приложения всяких сил, углом. Единственными помощниками старушки в передвижении вызвались каменные выступы на стенках туннеля, позволяющие время от времени восстанавливать равновесие. Намного проще было Шнобелю, который вследствие своего малого веса и острых когтей не ощущал никакого хитростного подвоха при спуске. Холодом начинало веять все сильнее и даже Элизу, женщину, привыкшую к непреклонно капризной Осенней погоде – начинало по-настоящему пробирать.

Спустя минуты своеобразного скольжения вглубь казавшегося бесконечным туннеля, неосвещенные рукава кото-

рого по всей протяженности уходили то влево, то вправо – Элиза добралась до требуемой развилки. Основной туннель продолжал прямо вести к массивным дверям Сокровищницы, а его ответвление к краеугольному камню Осенних Людей – вечным покоям предков. В виде Оссуария они появились после времен, когда четыре Долины постепенно угасали в кровопролитной Великой войне и всякий новый день обрастал своими, приукрашенными густыми красками, легендами. Но каждая такая легенда оставила после себя горькое послевкусие былины – то, что всегда приходит с абсолютно любой войной, независимо от стороны победителя – ее павших ангелов. И именно им – всем погибшим в Долине Осени – было решено посвятить отдельное место в обширной системе туннелей, находящейся под возведенным Беллуно и его окрестностями. На тот период времени небольшая часть катакомб уже использовалась под первые богатства Долины и все в унисон согласились обустроить еще один. Грустный памятник о содеянном.

Для постройки Оссуария решили пригласить некоего мастера Де Тюри из Долины Весны, являвшимся единственным человеком не из Долины Осени, когда-либо видевший Осенний Колодец и систему туннелей под ним. Впоследствии, через несколько лет после проектировки и всевозможной помощи с возведением – Де Тюри подло убили. По завершению проекта мастер решил ненадолго остаться пожить в Беллуно – семьи у него не было и после столь морально тяжелой рабо-

ты ему требовалось меланхоличное окружение Долины Осени, а не наивно-романтичный – как он на тот момент считал – вперемешку с надрывающе-рабочим ладом, дом. Однако в один из обыденных дней, когда даже дождю лениво покидать облака и он лишь ритмично постукивает – в дом Де Тюри – который находился на том месте, где сейчас стоит ремесленная лавка – незаметно прокрались. Тело поспешно сбросили с Края, а всем, кто интересовался великим мастером – таких на первых порах было немало – сообщили о срочно возникших обстоятельствах важнейшего заказа, вынудившие Де Тюри покинуть Беллуно ранним утром, само собой на лучшем скакуне, который управители могли ему выделить. И теперь, к нынешнему дню никто не помнил о талантливом человеке из Долины Весны, хотя даже спустя века в одном из туннелей под Осенним Колодцем находится мастерское творение его рук.

Оссуарий представлял собой настоящее инженерное чудо и был полон изумительных деталей. Вход в него ознаменовывала надпись на уже давно забытом древнем языке – общим для всех Долин. Высеченные слова как бы с легкой внешней простотой и невыносимо тяготеющей внутренней – умещались на небольшом каменном выступе. Мысль, заложенная в одной строчке, была лапидарна и гласила истину, от которой нельзя никуда скрыться, но которую многие старательно избегают в своей жизни:

Они были тем, что я есть, и я буду тем, что они есть.

По замыслу Де Тюри надпись создавалась в напоми-
ние о войне, ее обязательном исходе – люди должны пом-
нить об этом и помимо возможности поскорбеть – не за-
бывать о бренности собственного бытия. Но у Долины Осе-
ни, верней – у всех причастных к власти управителей бы-
ли свои планы. После постройки Оссуария прошло два го-
да – неравнодушные жители продолжали неуклонно стекать-
ся в Беллуно почтить память павших. Никто не праздновал
каждый год прошедшую несколько сотен лет назад победу
– в первую очередь это являлось грустным воспоминанием,
шрамом, оставленным в сердцах. Ведомые человеческой лю-
бознательностью, неизбежной даже для убежденных затвор-
ников, паломников поразил интерес к остальной части Бел-
лунских катакомб, включая огромные двери, отворить кото-
рые они были не в силах. Естественно, Сокровищница бы-
ла местом, куда простым жителям вход был воспрещен, как
минимум из-за соображений сохранности всех накопленных
материальных благ. Однако не эта причина лежала камнем
преткновения на пути любопытства паломников – сильные
мира сего боялись допустить проникновения простого чело-
века в Мир Призраков – бескрайнюю долину, находящуюся
за Сокровищницей в низине отвесной скалы, по легендам в
которую попадали души умерших Осенних людей.

Интерес скорбящих паломников снежным комом возрас-

тал и помимо возможности потенциально неприятных инцидентов среди них, появлялась опасность – в случае нарушения порядков – в распространении информации о секретной Сокровищнице и Мире Призраков другим Долинам, что стало последней каплей для управителей. Они решили задействовать «программу очищения памяти», взяв сразу за основную цель Осенний Колодец и Беллунские катакомбы. Процесс ожидаемо оказался долгим и болезненным, а его ознаменованием послужило бесчестное убийство Де Тюри. Вторым шагом «очищения памяти» послужило множество жестких запретов – для уменьшения числа недовольных первоначальные меры их приведения намеренно казались краткосрочными. Сперва ограничивалось разрешенное количество раз для посещения Оссуария; затем сославшись на обрушение некоторой части туннелей, их запретили посещать под предлогом опасности. Наконец, в Беллуно возвели донжон, отгородив Колодец и навсегда запретив посещать его любому, не имеющему отношения к власти.

Началась третья стадия программы, подразумевавшая в себе изменение общественного сознания – количество недовольных и интересующихся происходящими событиями увеличивалось с каждым днем, от чего радикальных мер становилось недостаточно. Управители начали видоизменять историю, переписывать ее на нужный им лад, и распространять так называемые ложные события, не происходившие на самом деле, но которые при упорном повторении на про-

тяжении некоторого времени – непременно становятся настоящими. Влиятельные семьи Долины наделялись особыми привилегиями, обязуясь на своих балах или встречах все-таки вести разговоры о несуществующих событиях, заранее продиктованных вершителями судеб. А те, кто неутомимо отказывался промышлять переписыванием истории – заканчивали также как достопочтимый Де Тюри. Сделано это было спустя два с половиной года после завершения Великой войны для сохранения интересов власти и секретов Долины Осени. Ведь, как известно, чтобы о каком-то событии или месте не знала другая Долина – сделай так, чтобы о ней забыла своя собственная.

Спустя несколько поколений, что для Осенних людей сроком было величественным – память о системе туннелей и Осеннем Колодце в массовом сознании стерлась, на данный момент оставив равное по количеству пальцев руки семей, знающих обо всех ужасных событиях «программы очищения памяти». Все эти семьи – среди которых была и семья фон Дерихт, будучи одной из самых влиятельных уже на тот момент – так или иначе принимали участие в ней. Дед Элизы – Эрих фон Дерихт не хотел терять своего высокого положения и, хоть и с неприязнью к самому себе, согласился на сотрудничество, как в свое время согласился его прадед. Эрих знал, что скоро у него появится сын Максимилиан, которому нужна будет постоянная забота, от чего выбор, не поддавался всякому сомнению. В дальнейшем семья фон Дерихт

стала главной в Беллуно, с ней не только считались управители, но также уважали другие семьи, поскольку дед Элизы, стараясь искупить свою вину, совершал много хороших поступков. Так продолжалось до тех пор, пока Эрих не умер.

Как человека очень значимого для города и Долины Осени в целом – его, скрывая ото всех, упокоили в Оссуарии, а во избежание лишних вопросов – устроили показательное для простого народа прощание на Ундине с накрытым чучелом. В тот период Элиза была уже смышленным ребенком и смерть вечно веселого, доброго, такого родного дедушки встала у нее комком в горле, надежно обозначив один из самых грустных дней в ее жизни. А сразу же за ним, не давая времени смириться с болью потери, наступил еще самый грустный, затем еще один, и еще – целая череда утрат. Семейная судьба. Первым делом умерла жена Эриха – Клара, не выдержав смерти возлюбленного, с которым она провела больше половины своей жизни. Здоровое сердце остановилось и утром она не проснулась, отправившись к своему супругу на три дня позднее. Затем наступил черед отца Элизы – он не придерживался таких же нравов, что и дед – по его мнению лжи во благо не существовало, тем более если ложь – полноценная «программа по зачистке памяти» всей Долины Осени, включая близких друзей. Для него это было за гранью допустимого, даже ради блага собственного ребенка. Максимилиан намеревался совершить переворот власти, но после определенных намеков со стороны передумал

и безо всяких предупреждений, поскакал в Долину Зимы, оставив маленькую Элизу с матерью и ее сестрой. Поскольку управители держали всю информацию в тайне, вереница тяжелых ударов фамильной судьбы продолжилась, нацелившись на этот раз на мать Элизы. Патриция фон Дерихт пришла в непонимающий ужас, после того как ее муж не вернулся однажды домой. В день исчезновения его странным образом не видели, и никто не мог даже предположить, где его искать. Решив, что предпринимать какие-либо попытки бесполезно, ведь он мог упасть в бездну Края – все, включая друзей, расстроившись на пол дня, ко второй его половине благополучно пришли в норму. Все, кроме Патриции – она не собиралась оставлять вопрос открытым, и безосновательно решив, что супруг мог также отправиться в лес – пошла его там искать. Однако нашла она только разъяренного медведя, который, испугавшись столько резкого посетителя чащи как человек, напал на Патрицию, убил ее и был таков. Оставалась одна тетка, но внимательно следя за происходящим, она пришла к выводу, что семья фон Дерихт безнадежно проклята и исчезла из жизни Элизы, оставив ее окончательной сиротой, и отдав под попечительство управителям, взявших на себя полную ответственность об обеспечении и воспитании девочки в память о великих заслугах Эриха фон Дерихт, и его предков.

Несчастливая сирота вместе с ее поколением стала последней знавшей об истории своей семьи и гнойных тайнах Бел-

дуно. Впоследствии она никогда не делилась своим детством с Гертой, Альбертом или кем-то еще, ограничиваясь парой штрихов из зарисовок жизни. А из ее ровесников осталось скудная пара старых людей, полностью погрязших либо в политике и посвящению остатка своей жизни славному городу, либо отдавшихся семье, окончательно забыв о былых временах. Повзрослев, Элиза стала изредка наведывать захоронение деда, в тайне ото всех. Еще при жизни Эрих объяснил маленькой девочке о значимости семьи фон Дерихт и особых способностях, вложенных в каждого из их рода. Элиза, как и остальные, была проводником – человеком, умевшим с помощью простого ритуала призывать духов умерших в Мир Живых. Она бережно и горделиво несла с собой это знание, пока наконец не настала пора его применять. Родовая особенность позволила осиротевшей Элизе общаться с дедушкой даже после его кончины, делясь своими непростыми эмоциями, закрученными историями и происходившей ситуацией в Долине Осени. Не обходилось общение и без нравоучений со стороны Эриха, всенепременно вбиваемых в голову внучке при любом удобном случае: о необходимости безуданного чтения, поиска философских вопросов, сохранения гордости, чести, достоинства и остального, по его мнению, так важного для личности. Время шло, и у Элизы появился собственный внук – редкие посещения превратились в редчайшие, а последующий уход родителей Альберта и спонтанное появления в качестве нового члена семьи Гер-

ты – нивелировали посещения вовсе. Однако сейчас, в ситуации казавшейся критически безнадежной, единственное, что пришло Элизе в голову, это снова, спустя долгое время, навестить своего мудрого деда.

Шнобель слегка утратил свой пыл – от части из-за того, что всю накопившуюся энергию он успел выплеснуть, спускаясь по заледенелому туннелю, а от части из-за острого ощущения рядом с собой человеческих останков. Элиза, изначально – не смотря на первую за долгое время встречу с дедом – не пылавшая радостными чувствами от сковавшей ее тревоги происходящего, заколебалась еще сильнее. Они вместе прошли надпись, все так же грузно возвышающееся послание, оставленное Де Тюри и следуя за дымным запахом череды масляных ламп, кружащиеся в вальсе с винтовой лестницей вошли в Оссуарий. По задумке мастера, черепа высокородных жителей Долины, погибших во время Великой войны должны занимать отдельное – на каменных полках, выбитых в стенах – место. Благодаря слабому огню, исходившему от масляных ламп, по сторонам мягко прорисовывались очертания некогда красивых, умных и веселых людей, наверняка не возражавших об очередном пире. Все они были героями, защитниками, хорошими людьми и настоящими храбрецами, в свое время жившими во благо Долины Осени. Черепа смиренно стояли, ожидая, пока время не распылит их, с каждым годом все менее походя на некогда былое величие. Время стирает углы. Единственный хладно-

кровный убийца. Ветер. Закрытая дверь.

Остальным, менее благородным погибшим Де Тюри смог также придать особый смысл – их черепа и кости стали раскладывать в виде узоров, аккуратных рядов и крестов, создавая самые настоящие нагромождения костей, ведь судьбы всех мертвецов в этом месте, так или иначе, в итоге слились в единую, а значит и отдельное внимание к каждому из них – лишнее.

Эриху фон Дерихт, в следствии упокоения более поздно, досталось место на отдельной каменной полке, выдолбленной у центральной колонны безо всякого на то разрешения основателя Оссуария. Элиза нерешительно стояла подле лестницы, боясь подойти ближе даже на шаг. Она была здесь далеко не единственный раз, но будто в первый ее окутал необъяснимый трепет предвосхищения. Громко выдохнув старушка приказала Шнобелю сидеть, а сама, овладев мыслями, неторопливо подошла к нужной ей полке, встав прямо напротив пыльных останков. Элиза осторожно потянулась к покрывшемуся паутиной черепу, взяла его в дрожащие руки и аккуратно, боясь случайно повредить, подула, подняв в воздух мутную завесу. Ослепившись налетом времени в глазах заслезилось, и на фоне накатившей усталости – Элиза облокотившись о колонну, медленно сползла вниз. Сидя в обнимку с черепом, нежно прижатым к груди, после ужасного дня, бесконечного бега и суеты – закаленная жизнью старушка не выдержала и горько заплакала. Они были

тем, что я есть, и я буду тем, что они есть. Медлить было нельзя и мгновения слабости проявились пятым колесом телеги – понимая это, Элиза стойко заставила взять себя в руки и начала ритуал для призыва призрака деда.

Продолжая сидеть, опершись спиной о колонну Оссуария, она положила череп на каменный пол – чтобы призвать дух из Мира Призраков в Мир Живых необходимо было иметь вещь, которая принадлежала бы умершему в прошлом. В ее случае предметом оказался золотой перстень с гербом Беллуно, неизменно носимый дедом с гордостью и честью. Лиза положила его рядом с черепом, переплела пальцы, образуя крепкий замок и начала энергично нашептывать: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я укажу тебе. Призывая тебя из тьмы в чудный свой свет». Не прошло и минуты как в воздухе, без излишней помпезности или загадочности начали проступать очертания фигуры, уже через мгновение превратившиеся в полноценного, считающегося со всеми законами света и тени – человека.

– Привет, дед. – такая глупая и простая фраза – единственное, что нашлось у измученной Элизы в этот момент.

– Ого-го, привет, дорогая. Давненько мы с тобой не виделись, какими судьбами? От делов своих освободилась давеча? – дед хоть и не предстал в образе своей молодой версии, голосом был свеж и бодр, и казался готовым хоть сейчас произносить торжественную речь.

– На нас напали, и я не знаю, что делать. Там происходит какой-то хаос, и враги все продолжают наступать. Мне кажется, что все пропало, деда. Я больше не знала, что делать, кроме как прийти к тебе. – в силу возраста Элиза не заплакала снова, но голос ее поник и напоминал скорее принятие поражения, нежели просьбу о помощи.

– Ну тише-тише, внучка. Обидно, конечно, а я уж настроился на беседу душевную – не вестей о нападении я хотел услышать, к сожалению. Значится, слушай меня внимательно, Элиза. Наша семья, наш род – один из самых древних в Долине Осени, и мы всегда обладали одной особенностью, нас отличавшей от остальных – все мы, как ты уже знаешь – проводники. Именно благодаря этой особенности ты способна меня призывать из Мира Духов, но это не единственная твоя способность.

– Что ты имеешь в виду?

– Не перебивай, я сказал, и слушай внимательно. Ты знаешь, что у четырех Долин раньше была серьезная и длительная война – точно знаешь, я тебе сам рассказывал, но задумывалась ли ты когда-нибудь – почто мы победили?

– Я знаю, что мы всегда были самой богатой и развитой Долиной, наверное, нам и помогли наши возможности, разве нет? – Элиза окончательно заинтересовалась разговором и приободрившись старалась внимать каждому слову своего деда. Не смотря на все свои знания и жизненный опыт, она снова почувствовала себя маленькой девочкой, которой го-

ворят элементарные вещи.

– Нет и совершенно нет. Уже начиная с тех времен у Осенних людей помимо гармоничного сожительства с природой, материальных благ и сокровищ, была и другая особенность, о которой тебе все-таки немного должно быть известно, а именно призраки – духи павших в боях или же просто умерших Осенних людей за всю историю Долины Осени. С каждым но... – Эрих не собирался останавливаться, но его перебила Элиза.

– Прости, а, чтобы в этот мир попасть нужно обязательно провести прощальный ритуал на Ундине, правильно?

– С чего ты это взяла? – дед укоризненно хмыкнул. – Я думал, что моя внучка должна быть посмышленее и сама догадается. Нет, никакого ритуала не нужно – власти придумали этот трюк, дабы не возникло засим никаких проблем с пространством. Да и не очень-то веселое зрелище было бы, хорони мы всех в земле.

«Все меняется как обухом по голове» – подумала про себя Элиза, последние несколько часов пришились для нее слегка перенасыщенными.

– Еще вопросы, покамест ты деда в очередной раз не перебила? – призрак будто почувствовал некую озадаченность внучки.

– Больше нет, деда, прости – ты продолжай, главное!

– Так вот, с каждым новым боем, с каждым новым днем, неделей, месяцем, годом – число призраков увеличивалось

и все они отправлялись в место, которое мы раньше условно называли *Mundo Mortuus*. Но для всех призраков это место, где мы находим покой, становится не только новой обителью, не только домом, но одновременно тюрьмой, мы также оказываемся заперты. Призраки не имеют права выбираться в Мир Живых, а живым нельзя посещать Мир Призраков, за исключением так называемых проводников – нашей семьи, способной свободно посещать оба из миров, но что самое главное – на время выводить призраков наружу – это и стало основным оружием Осенних людей. С тех пор прошло много времени и все те великие и многочисленные битвы, все те славные истории о великих Осенних людях сначала медленно превратились в легенды, затем в былины и сказки для детей, а в конце, спустя множество поколений и утерянного времени, просто во что-то отдаленное, настолько отдаленное, что люди, которые еще помнили об этих историях, легендах, былинах и сказках – начали сомневаться, происходило ли все это на самом деле, а не являлось всего лишь чьим-то ярким сновидением.

Элизе нечего было ответить, уже без лишних вопросов – она продолжала замороженно слушать своего деда. Впервые за столько лет ее охватило сразу множество эмоций. Все события, происходившие сейчас практически одновременно, в том числе и первый разговор с дедом за последние двадцать лет – все это переполнило старую внучку и одновременно опустошило, чтобы хоть как-то эмоционально реагировать.

– Поэтому, Элиза, единственный шанс на спасение Долины Осени остается в необходимости очередной раз использовать мертвых, и вывести их предстоит именно тебе. Как только покинешь Оссуарий, направляйся по главному туннелю напрямки до дверей Сокровищницы. Не смотря на массивность – чувства о невозможности их преодоления ложные. Поныне удивляюсь как паломники в свое время не догадались об этом. – Эрих с издевкой рассмеялся и тут же принялся неожиданно напевать. – Чтоб дверь к сокровищам открыть – свое ты имя напиши. Уразумела? Никаких ритуалов или спрятанных рычагов, ажно кровью писать не надобно – любой камень известковый сойдет. Как путь откроется, держись левее, пока не дойдешь до крутого обрыва – это и будет *Mundo Mortuus*, ужо найти Ниландру труда не составит – объясни ситуацию ей, мол так и так, помощь скорая требуется. Очевидно, она то не откажет, только все ж будь с ней повежливей – Первая Королева Осени как никак. А когда остальных соберет, тебе останется всего-навсего показать призракам выход из Колодца.

Стойко державшаяся Элиза наконец не выдержав, снова заплакала – она понимала, что ей нужно бежать и придется в очередной раз расстаться с дедом на неопределенный срок. По крайней мере она в это инфантильно верила.

– Мне нужно тебе так много поведать, деда. Столько всего произошло в моей жизни с момента нашей последней встречи. Как только управлюсь с этим – я обязательно приду, мо-

жет даже сегодня, может даже с внуками!

– Элиза, ты, верно, опять плохо слушала, иначе поняла бы, что дед твой будет там же – вместе с Первой Королевой, и пойдет в атаку с остальными призраками. Ты сделай главное, а уж потом вдоволь наговоримся с тобой – я-то отсюда никуда не убегу. – Дед рассмеялся и его громкий смех раздался эхом по всему Оссуарию, заставив Шнобеля, все это время покорно сидевшего у лестницы, напрячься и залаять в ответ.

Старая Лиза не удержалась и от такого простого откровения, вперемешку с заразительным смехом деда – тоже засмеялась. Напряжение стояло комком в горле и истеричный хохот со своим давно покинувшим Мир Живых дедом – было лучшей терапией. Она смеялась с минуту, с закрытыми глазами, до слез и легкого головокружения. Лишь осознав, внезапное отсутствие чего-то неосяземо важного – Элиза открыла глаза и поняла, что осталась вновь наедине со Шнобелем.

Она встала на ноги – колени предательски хрустнули, а в ногах появилось покалывание. Положив череп обратно на каменную полку старушка вернулась к винтовой лестнице – пес был несказанно рад возвращению своей хозяйки и даже окружавшая его угнетающая действительность уже не так сильно пугала. Не смотря на предстоящий разговор с Первой Королевой Осени Элиза чувствовала себя счастливой. Это было странно, ведь Беллуно, как и вся Долина Осени, все еще были в опасности и совершить предстояло многое. Но

после разговора с дедушкой произошло нечто важное, порой даже более необходимое, нежели само наличие решения проблемы – появилась надежда на его существование. Перед Элизой открылся совершенно дивный новый мир, неизвестная ранее информация бурей бушевала в потоке сознания – внезапно, происходящее стало до такой степени простым и понятным, что она нашла в себе второе дыхание и быстрым шагом отправилась вместе с ловким комком шерсти, весело бежавшим около правой ноги, к Сокровищнице – месту, о котором много рассказывал отец, еще перед своим уходом.

Спустя некоторое время, сотню или несколько – света масляных ламп не хватало для точного оценивания расстояния – метров, путь преградила искомая хитрая преграда. Массивные, выбитые в породистом камне двери представляли собой скорее Замковые врата, с разноцветными фресками и древними надписями – паутиной сетью раскинутые по всей поверхности, очевидно призванные сокрыть нанесенные ранее имена посетителей. За ними находилась Сокровищница – очередное достижение Осенних людей, доказательство их достатка и одна из главных причин нападения Зимних, о чем, правда, Элиза догадываться не могла. Подойдя вплотную к монолитным дверям, она прислонилась к ним своими ладонями, Шнобель снова угомонился, пожалуй, устав от столь резко переменяющихся событий и уже без лишних команд лежал чуть поодаль, ощущая, что сейчас ему лучше бы не мешать.

Немного выждав, Элиза – вкушая в этот момент чувство благоговения – взяв первый попавшийся под руку осколок камня, твердой рукой выцарапала свое имя. Ветер, пробираясь сквозь дверные щели басисто ухал неумемной совой, где-то вдалеке осыпались небольшие камушки, а звуков Мира Живых давно не было слышно. Все на секунду замерло и тем неожиданней оказался грохот открывающихся дверей, громом накативший на ничего не ожидающую старушку с собачонкой. Как это обычно и бывает, когда человек торопится – время начинает ползти, словно улитка решила изобразить волчий бег в замедленной пантомиме и у нее вышло. Так и Элизе казалось, будто дверь почти не двигается, а стоять придется до тех пор, пока не станет поздно идти за помощью. Пролетела целая вечность прежде чем перед ней сквозь все увеличивающееся расстояние начал открываться вид на несметные богатства Долины Осени. Благородные слитки золота, серебра, платины, различного рода драгоценные камни: александриты, алмазы, рубины, огненные опалы и множество других сокровищ, не поддающихся времени в отличии от останков – игриво сверкали, отражаясь в свете масляных ламп. Огромное Эльдorado, каменным пузырем туннеля увеличивалось треугольником в ширине. Слева, от неподдающегося первоначальному осознанию материального счастья, вела маленькая дорожка, неприметная с первого взгляда. Она совершала легкую дугу, подобно радуге и обрываясь тонкой нитью выводила прямиком к отвесному склону, упо-

мянутому в разговоре дедом. Сердце Беллунских катакомб – место, от которого сейчас зависела судьба всей Долины Осени.

Не достаивая ни грамма внимания мерцающим тоннам, Элиза вместе со Шнобелем оказалась на месте. Зловещий холод, преследовавший компанию по спасению с самого начала, стал плавно сменяться на успокаивающее тепло родного дома. Яркий свет бился неизвестным источником, несмотря на то, что лампы закончились еще посреди пузыря Сокровищницы. Ветра больше не ощущалось, а перед взором открылся бесконечный горизонт, расстилающийся в дали, казавшиеся шире всех мыслимых масштабов Долины Осени.

Стоя на самом краю обрыва, с осыпающимися из-под ног камнями – старушка увидела призраков, в необъяснимом танце летающих словно элементарные частицы. Ей удавалось ухватывать отдельные силуэты, но ни деда, ни Первой Королевы Осени выцепить она не могла, и самое главное – не имела ни малейшего представления каким образом это сделать. Однако ей этого и не пришлось – призраки, стоило Элизе только подойти, сразу же уловили присутствие живого человека и начали стягиваться к нему. Вместе с поднимающимся потоком теплого воздуха, они устремились наверх, словно огромная морская волна, бьющаяся о скалы и стремящаяся достичь заметного маяка на их вершине. Поднялся жуткий шум, одновременно с переговорами взбудораженных призраков – перед ними происходило целое событие –

первый живой за долгое время. Не ожидая от самой себя, Элиза – уже со Шнобелем на руках, который к удивлению, тоже не боялся – страха не почувствовала, все вокруг слеповнушало уют. Но не зная, что делать и какие возможные замыслы у призраков могут быть – все равно инстинктивно попятилась назад. Велико было удивление, когда они, достигнув уровня глаз – одновременно затихли, при этом выстроившись в нечто похожее на боевое построение пьяных солдат после пира. Сцена продолжалась с половину минуты, и ударно важным событием, произошедшим за этот несущественный отрезок времени – стало проявление сквозь толпу призрака женщины. Ошибки быть не могло, ввиду изучения истории в подробнейших деталях и по рассказам деда с отцом, Элиза со всей вероятной точностью поняла – перед ней стоит Первая Королева Осени, Ниландра.

– Кто ты, живая? – С легкой, надменной улыбкой озвучила она вопрос. – В нашем *Mundo Mortuus* давно не было живых и это уже удивляет, но что еще более интересно – я чувствую в тебе что-то странное.

– Я Элиза фон Дерихт, внучка Эриха фон Дерихт, пришла просить о вашей помощи, Королева. – Не смотря на все предостережения дедушки о необходимости быть вежливой более, чем обычно, в голосе Элизы скорее звучала гордость, полное осознание которой пришло только сегодня.

– Фон Дерихт говоришь... Ладно, не буду лукавить, Элиза – я знаю зачем ты здесь. Твой неумный дед мне уже все

сообщила, я лишь хотела убедиться. Однако долго ты добиралась до нас, скажи, какова была обстановка, когда ты сюда спускалась?

– Пока мы забежали в Замок бои шли почти на главной площади и неизвестно, что там происходит сейчас. Управители ничего не предпринимают, вероятно, закрывшись наверху в донжоне, а подкрепление – тут она вспомнила, как послала Альберта за ним, – будет, но не известно, продержится ли Замок. Насчет остальных городов ничего не известно, возможно, они давно захвачены.

– Что ж, в таком случае нечего боле сотрясать воздух, нужно скорее помогать своим людям, своей Долине! Воины и простой рабочий народ, все, кому не безразлична Долина Осени и славный город Беллуно, – поспешим! А мы, Элиза, последуем прямо за тобой.

– Да, конечно, Королева. – И приготовившись к еще одному забегу, на этот раз последнему, поставила Щнобеля снова на землю, а затем сразу добавила к своей реплике, показавшейся чересчур лаконичной. – Я проведу вас.

Пробив боевой созыв всех призраков – они отправились точно таким же путем, каким Элиза добиралась до Mundo Mortuus: через сияющие богатства, снова в холод по главному туннелю, пройдя мимо поворота в сторону Оссуария и вплоть до самого конца или вернее будет сказать – начала Осеннего Колодца. Добраться до канатной лестницы удалось намного быстрее, чем того можно было ожидать. Призраки

во главе с Королевой Ниландрой мгновенно устремились наверх в Замок, не дожидаясь, пока старушка со своей собачонкой поднимется сама – ее предназначение как проводника исполнилось. Теперь мертвые были ограничены лишь рамками Долины Осени. Элиза тем временем обыденно решившая перевести дух после утомительной пробежки, распласталась на холодных камнях. Сердце бешено колотилось, в голове стоял непреодолимый звон, а мышцы были на грани отказа, сулив месячное восстановление в постельном режиме. Приготовившись пролежать пластом на камне ближайшие сорок минут, Элиза насторожилась – Шнобель, который по всем показателям должен был устать не меньше старушки, бесновался, а звон, медленно утихавший в голове, перерастал в непонятный гул. Страшное осознание пришло не сразу, но теперь его ни с чем нельзя было спутать – это был гул происходящих наверху событий, поднявшийся до невыносимого уровня. Крики и стоны стали повсеместными, лязг метала, топот и глухие удары давали всего-навсего одно четкое представление картины – врагу удалось ворваться в Замок, а бои перетекли в донжон.

Осознав это, Элиза, насколько ей позволяли года, резко вскочила – планы на очередной отдых растворились в не до конца жизнеспособной аргументации о своей критической необходимости находиться там – наверху. На этот раз старушка придумала хитрую систему: взяв подол своего достаточно свободного платья, она начала его рвать, оставляя та-

ким образом по центру свободный лоскутный квадрат, из которого получилось соорудить самодельные выюки – новое средство передвижения для Шнобеля. Не смотря на окончательно упавшее настроение пса, активно старавшегося закопать свою морду под землю – это был единственный вариант подняться вместе с ним наверх. Кое-как завершив сооружение самодельных выюков – Элиза положила туда бедный, безошибочно чувствовавший смерть людей комок шерсти и, снова попросив его не дергаться, полезла наверх.

На этот раз путь оказался значительно легче, не смотря на испытываемую усталость, представить которую в обычные дни представлялось затруднительным. Элиза поднималась по канатной лестнице, пытаясь отвлечь себя ото всех ужасных мыслей, ее окружавших. Она думала, что спуск в Осенний Колодец пора превратить во что-то более практичное, нежели рассчитанная на одного здорового человека канатная лестница. Думала, о том, что поступила, пожалуй, неправильно – пойдя на поводу управителей и их ограничениям в свободе слова. О своем дедушке, встреча с которым наконец-то за долгое время произошла, хотя Элиза уже и не верила в такую возможность; и о Первой Королеве Осени со всем Миром Призраков, среди посвященных забавно называемым *Mundo Mortuus*. В конце неконтролируемого потока сознания ее закономерно одолела смешная мысль, что желание и возможность прочитать мораль о темпе жизни с необходимостью растягивать каждый момент – выпали именно на

сегодняшнее утро, в день, когда промедление было подобно смерти. С таким грузом в своей голове, тяготившим сильнее, чем груз физический – бабушка Лиза вместе со Шнобелем в самодельных выюках поднялась до самого верха. Не смотря на приближение вечера, глаза неминуемо жгло ярким естественным светом, присутствия под землей катастрофически не хватавшего. Все вокруг внезапно стало облачно-белым, и не имея в таком состоянии возможности двигаться дальше, старушка продолжала слушать ужасные вопли, перемешанные со звуками сражения – позволив себе скривиться пополам ровно на краю Колодца, облокотив свои дрожащие руки на не менее дрожащие колени. Глаза ее были закрыты до слез – один из лучших способов дать зрачкам снова привыкнуть к солнцу. К тому же Элиза была уверена в своей безопасности – нападавшим было нечего противопоставить призракам Долины Осени. Но только судьба знала истину, и она была не столь однозначна. Они были тем, что я есть, и я буду тем, что они есть.

Фьорд Йоханссон, услышав нарастающий шум из колодца, – успел выбежать из внутреннего дворика и спрятался за ближайшим цветочным кувшином. Он ожидал увидеть любое явление, кого угодно, но только не орду летающих призраков. Когда же они появились, Фьорд вжался в стенку так сильно, будто бы надеялся стать ее частью. Понимая, что вопрос жизни и смерти теперь стоит над его душой слишком остро, он продолжал вжиматься, и вжиматься, и вжимать-

ся, и вжиматься в стенку, искренне представляя себя неудавшимся горельефом.

Дав призракам пролететь мимо, солдат еще некоторое время продолжал притворяться лишь выпуклым изображением. Страх застилал глаза, весь отряд Йоханссона погиб вместе со шпионом, открывшим ворота в Замок. Нападение категорически шло не по плану, начиная с нелепого марша в Долину Осени, и устрашающие призраки были последней каплей кислоты, проевшей и без того окисленные нервные клетки Фьорда. Набравшись храбрости оторваться от уже ставшей любимой стены, с дрожащими коленями, он позволил себе выглянуть за кувшин. Ожидаемо никого не было видно, хотя, судя по звукам, в главном зале теперь стояла настоящая резня – его боевых товарищей убивали внезапно волной обрушившиеся призраки. Поверить во все это находилось трудным, но, невзирая на абсурдность происходящего, бежать было некуда – разве что в «Осенний Колодец»?

Фьорд полуприсядом тихонько вернулся во внутренний дворик и на этот раз его взору предстала старая и дряхлая старушка с седой до самой поясницы косой, которая вместе с непонятной подвязкой, выпирающей сбоку на уровне груди, по каким-то причинам поднималась из колодца. Сказать наверняка как она там очутилась и что именно делала – являлось задачей непосильной, но можно было легко установить ее связь с неожиданным появлением призраков. Слепленный животным страхом, вызванным смертью собственного

отряда, гибелью шпиона и вероятно полным разгромом всей армии – жить Фьорду хотелось больше обычного. Его посетила очевидная мысль, казавшаяся такой простой и единственно верной, словно ребенку рассказали, что хлеб не растет на деревьях. Молодому таланту Долины Зимы понадобится заложник, чтобы выбраться отсюда живым. Да, да, ему точно позволят уйти, ведь старушке захотят спасти жизнь. Он доберется до границы, бросит ее и побежит, скорее всего в Долину Весны или Лета, но точно не домой – там его уже никто не простит. Семью он все равно никогда не любил и это будет идеальным шансом начать жизнь заново – найти себе девушку, стать садовником и никого не трогая выращивать ароматные вишни, запах которых будет въедаться в одежду. Дрожь в коленях немного спала, а в голове танцевали стихи. Воспользовавшись моментом, пока старушка, согнувшись вдвое стояла к нему спиной, Фьорд подкравшись так тихо, как только можно было – забыл обо всех правилах и навыках, приобретенных в армии и вместо четкого, резкого захвата – всего лишь положил свою руку на плечо старушки, сам не понимая зачем. Она закричала и начала судорожно отбиваться – паника, охватившая ее, вызвало желание бежать от источника страха во все четыре стороны – она оступилась назад и полетела вместе с комком в подвязке вниз, обратно в колодец.

Ее охватило предательски обидное ощущение, оставшихся так и не выполненными многих вещей, даже не смотря

на долгую и интересную жизнь. Элиза с горечью осознавала, что не знает – в порядке ли ее внуки и сколько жителей Беллуно выживет после жестокого, внезапного нападения. Она также понимала, что вместе с ней погибнет и Шнобель, а до чертовой канатной лестницы, с которой сегодня ей пришлось бороться уже дважды – никак не дотянуться. «Зато, – подумала Элиза, – теперь я смогу вдоволь наговориться с дедушкой и Королевой». Последний глоток воздуха был сделан и, представив, как завтра они с Альбертом, Гертой и Шнобелем встретят новый, по-своему прекрасный день, как она опять приготовит свой коронный завтрак, а они второпях, веселые, хоть и немного колючие, – побегут по своим делам.

Элиза представила это – удар... Фьорд заглянул в колодец и, увидев разбившиеся тела – с неистовым криком испуга побежал в главный зал, где, как он знал, находится смертельная опасность. Правда, Фьорду Йоханссону было теперь все равно, его больше не заботила опасность – он только что впервые убил. Убил беззащитную старушку и, как оказалось, ее собачонку. Они были тем, что я есть, и я буду тем, что они есть. А на густой темно-зеленой траве осталась лежать выпавшая записная книжка, случайно раскрытая ровно по середине с очередными, написанными уже в прошлом, строчками:

Вот прилетает

черный дракон,
сверкающий змей
с Темных Вершин;
Нидхегг несет,
над полем летя,
под крыльями трупы –
пора ей исчезнуть.

VII

Альберт бежал изо всех сил, понимая – на кону стоит не его единственная жизнь, но его родных и всего славного города Беллуно. Чего он не понимал, так это причину нападения чужаков исключительно с одного направления. Догадками служило множество идей: возможно, виной всему приходилось географическое положение города, делаая невыносимо сложным попытки подобраться к нему со всех сторон незамеченным; нельзя было исключать также и вероятность примитивной ошибки в командовании со слабой подготовкой армии, но все предположения сходились в одном – их экзистенция дарила шансы избежать неизбежного и Альберт этим шансом пользовался.

Впрочем, даже с нападением по филигранности уступающим дырявой площадке, ситуация складывалась плачевная – назад дороги не было, бои велись уже на главной площади и бежать через нее, не оказавшись втянутым в сражение представлялось невозможным, а для человека без вооружения и подготовки, значило верную смерть. Позволив себе лишний раз оглянуться в сторону окруженной огненным кольцом и мертвыми телами площади, взгляду Альберта приговором предстала картина поднимающегося моста Замка, означавшая с этого момента только одно – все Осенние люди, находившиеся на сей момент на улицах Беллуно, скорее всего

погибнут, если подкрепление не пребудет в ближайшее время. Увиденное сильно испугало Альберта – не могло не испугать, – и он теперь, ни на что не оглядываясь, припустил в беге, наблюдая лишь быстро сменяющиеся образы протоптанной дороги.

В полуобморочном состоянии горе-атлет сам не заметил, как оказался в паре метров от дверей конюшни. Тут же изда- лека послышался звон колокольчиков – звонкий, яркий, но неуловимый – Альберт не мог понять, что же за звук его так беспокоит. Пытаясь совладать с попытками окончательно не потерять шаткое сознание, он искал внезапно иссякшие си- лы, чтобы любой ценой достичь своей цели. Нужно только сесть на лошадь – на ней он сможет легко прийти в себя, вы- жимая максимум на этот раз из животинки. Внезапно, звук коварно манивший и заставлявший беспокоиться, оказался не признаком покидавшего тела сознания, а внезапным дет- ским голоском, который Альберт теперь отчетливо слышал.

– Ээээй таааам, стоооой.

Послушавшись и дернув головой в сторону шума, он по- нял, откуда доносится крик. Источником оказалась старая водонапорная башня, из вершины которой торчала голова. По всей видимости, лицо Альберта голове показалось зна- комым – окрик был достаточно дружелюбным. Однако в по- следнюю очередь ожидая приказов от говорящей водонапор- ной башни – Альберт сделал еще пару нерешительных ша- гов, пока снова не послышался звонкий голос.

– Стоооой, кому говорю. – Раздался очередной крик и одновременно с ним с башни начал спускаться мальчонка лет тринадцати, все это время сидевший, притаившись, наверху.

Альберт лишь молча смотрел на происходящее, не в силах не то что крикнуть в ответ, но банально продолжать держать свое сознание по эту сторону.

– Это тебе повезло, дядь. – для мальчонки Альберт был уже достаточно взрослым, чтобы к нему было можно обращаться «дядь». – Эй, ты чего, задыхаешься что-ли?

– Ага, – с трудом выдавил тот.

– Не мудрено, дядь. Я тебя еще с моста заприметил – бежал ты что паровоз наш. Повезло, что знаю тебя, а то у нас в конюшнях засада сидит – если б зашел, то верно по голове ударили бы и с концами. Так что обожди и приходи в себя давай.

С этими словами мальчишка подбежал к дверям и начал что-то ритмично выстукивать. Альберт к этому моменту успел отдышаться, сердце больше не разрывалось, а перед глазами прояснялось происходящее.

– Все дядь, можешь идти, теперь точно не огреют. – И засмеявшись, побежал обратно на уже ставшую собственной водонапорную башню. Альберт в благодарность успел похлопать его по плечу, в ответ получив еще более широкую улыбку и краткий кивок, в знак того, что все понимают друг друга и так.

Двери конюшни медленно отворились, представив одно-

временно скопище людей, расположившихся по всевозможным углам – кто с вилами, кто с обычными камнями, а кто с лопатами. Все они, как и сказал мальчонка, явно ожидали врага в импровизированной засаде. Но Альберта удивило не множество людей в одном помещении, испуганно прятавшихся от смерти, не женщины с вилами, готовые проткнуть любого неприятеля, который вошел бы сюда, его удивило совсем другое – в конюшне не было ни одной лошади. Паника и шок тут же сковали все тело – то, ради чего он бежал сюда, теперь не имело значения, оно попросту не могло быть исполнено. Он озадачено начал озираться на людей, а те в свою очередь подозрительно уставились в ответ, ожидая хоть каких-нибудь действий от столь сумбурно забежавшего человека. Наконец, Альберт заговорил и начал он с самого очевидного.

– Где лошади?

– Какие, собственно, еще лошади? – глухо раздавшись глубоко из толпы прозвучал басистый голос по грубости не уступавший стесанному бревну.

– В смысле какие? Самые обычные лошади, мы с вами где находимся? В конюшне! Так вот я вас и спрашиваю – лошади где? – Шоковый адреналин окончательно взбодрил Альберта и теперь он в полную силу орал, словно веря в спрятанных от него лошадей за стойлами.

Из-за спин, теперь еще более озадаченных агрессией забежавшего новенького, появился крепкого телосложения муж-

чина. Растительность на его лице выражалась исключительно в густой бороде пепельного цвета, предательски выдавая возраст своего носителя. Им оказался известнейший ремесленник славного города Беллуно – Йос Шпильберген. Изумлению Альберта не было предела, ведь до этого момента он знал о старике лишь понаслышке из уст все того же профессора Теобальда Бюрена, время от время рассказывающего истории о выдающихся личностях Долины Осени. Йос являлся отменным кузнецом и был представителем одного с Элизой поколения. Подойдя почти вплотную к Альберту, старик позволил оценить себя по достоинству – руки в ширине превосходившие ноги ездовых лошадей, скулы по остроте напоминавшие лезвие топора и тело, предназначенное скорее лекалом для книжного шкафа. Прежде, чем снова заговорить, Йос оглядел парня, так требовательно оравшего, стоило ему только зайти. Лицо кузнецу показалось знакомым, но ответ на этот образ никак не приходил на ум. Подумав пока отложить эту нерешаемую загадку – Йос продолжил.

– Собственно, ты, парень, не кричи, во-первых. А во-вторых, нету тут твоих лошадей, сам же видишь. Как паника началась, так все они и переполошились, изгородь перепрыгнули будто ни единого дня их домом левада не была и почем копыта видать. А те, которые в конюшне этой стояли, разобрали первые после нападения в панике сюда прибежавшие. Взяли и за подмогой отправились, я так думаю. Люди у нас честные, просто так своих не должны бросить.

– И что теперь делать? – Будучи озадаченным и осажденным спросил Альберт больше себя, нежели своего собеседника.

– Собственно, а что тут поделать можно? Оставайся здесь и жди подкрепления со всеми остальными или у тебя какие-то другие варианты есть, парень? Побежишь воевать что ли? Не смей. Единственный паровоз уехал, а те, которые должны были прийти по графику – уж шибко опаздывают – видать, нападавшие постарались. Собственно, наша задача сейчас не высовываться и надеяться на скорое подкрепление.

– Простите, Йос, но вы понимаете, что пока мы здесь будем ждать – все, кто сейчас сражается на площади – погибнут. А затем, ваши *ria desideria* переждать, чтобы выжить – обернутся против вас самих. Потому что как только всех наших жестоко перебьют, какая-нибудь часть нападавших чуть более, чем наверняка отправится в эту сторону, и ваша жалкая засада уже не сработает – они просто подожгут весь скотный двор. И мы сгорим вместе с ним или задохнемся, прежде чем успеем что-либо предпринять. Все еще хотите продолжать здесь отсиживаться? Люди! Что с вами не так? Почему вы продолжаете сидеть сложа руки?

Альберт окончательно был потерян. Пока он спорил со стариком, все остальные, присутствующие в конюшне, незаметно рассосались: кто-то прилег на стога сена, сваленные, очевидно уже после нападения, около стойл, а кто-то тихонь-

ко покачивался на по-лягушачьи поскрипывающих опорных балках. Казалось, никому из них не было дела до его разговора с Йосом и Альберт не понимал почему. Никто не ответил на его призыв действовать, теперь он перестал вызывать даже интерес толпы, тихо шушукавшей о своих заботах.

– А, ты знаешь мое имя, похвально, парень. Собственно, а как тебя самого звать? И попрошу тебя успокоиться. Эти люди не орут во весь голос, кичась праведностью и героизмом, потому что выслушали меня. А вот у тебя манер, что у молота, которым я работаю. Кто тебе сказал, что мы будем продолжать сидеть здесь, если нам будем угрожать опасность?

Вокруг ненадолго воцарилась неловкая тишина, но лишь затем, чтобы с новой силой нервной суеты снова поднялся разговорный шум. Не смотря на множество уже спокойных людей – некоторые продолжали отчаянно паниковать, отказываясь верить в произошедшее нападение и выражая свою обеспокоенность неловкими выкриками вперемешку с обезьяньими телодвижениями.

– Альберт. Что вы имеете в виду – не будем продолжать здесь сидеть? Решите выйти, когда уже будет поздно?

Все встало на свои места. Двадцать лет назад – известная история с семьей фон Дерихт – старушка осталась одна с двумя детьми, среди которых была не родная девочка. Йос с Элизой никогда не были хорошо знакомы, но кузнец в знак минимальной поддержки сковал для ее внуков за несколько недель множество замечательных игрушек и затем разом

подарил. Удивительный факт – два человека одного поколения, оба живущие в городке, в течении дня вокруг которого можно сделать несколько кругов – друг друга толком не знали. Они не шли на контакт и не пытались сдружиться, будучи детьми, не знались семьями в более позднем возрасте и никогда не пересекались в старости. Хитросплетенная жизнь не расщедрилась на подобные случайности, только для того, чтобы сейчас Йос встретил уже взрослого внука Элизы.

– Собственно, не знаю, чему тебя обучала бабушка, Альберт, но Беллуно считается главным городом в Долине не просто так, а в том числе благодаря древней системе туннелей, расположенной под ним. Один из рукавов ведет напрямую из конюшни до самого Замка и несколько – должны выводить из Беллуно. В любом случае, в этих туннелях нас никто не застигнет, так как люди других Долин тут же погибнут и, если бы не лицемерие властей в прошлом, спастись сегодня удалось бы большому количеству жителей. Иными словами, никто изначально не собирался пережить нападение тут, мы высматриваем таких же, запоздало прибегающих, как ты, Альберт. Собственно, на этот случай у нас мальчишка на башне и сидит, а окажись им одиночный враг – мы бы его тут же огрели. Теперь ты прекратишь свои несуразные инсинуции? – Последнее слово Йос произнес с особым выговором, сделав третий слог ударным, и пропустив букву а.

Альберт на какое-то мгновение замолчал, пытаясь осмыслить все сказанное. Ему, правда, ничего не было известно о

катакомбах, и он не понимал, откуда это может знать, пусть и известный, но все же обычный кузнец. Он также не мог представить, откуда старик знал его бабулиту, причем здесь управители и почему, если туннели смертельно опасны для всех, кроме Осенних людей, изначально не переждать нападения там. Немного погодя Альберт нашел в себе горстку слов, довольно очевидных, но так и просящихся быть использованными в качестве подытоживающего вопроса.

– Так значит, у вас с самого начала был план?

– Ты все верно понял, парень. Собственно, можешь идти немного посидеть, отдохнуть, а то до сих пор отдышку слышу. Если повезет и подкрепление явится раньше, чем в нашу сторону кто-то выдвинется – нам и не придется никуда спускаться.

– Хорошо, и... извините, что так себя повел.

Шпильберген, как и мальчишка на водонапорной башне, ответил лишь понимающим кивком и направился куда-то в сторону кормовой. В конюшне было душновато-усыпляюще – большое количество людей на пару с постоянным надзором солнца – давало о себе знать. Воздух насыщался тяжелым запахом пота в ужасных пропорциях смешиваясь с витающим ароматом недавно присутствующих лошадей. Обстановка была напряженная, но напоминала скорее массовое томительное ожидание, нежели непрекращающееся волнение. Люди ушли мыслями в себя и пока они не наблюдали за происходящими событиями на улице – всем им стано-

вилось чуточку легче. Шли минуты, десятки минут и ситуация в очередной раз принялась складываться самым неблагоприятным исходом, подготавливая свой новый, неприятный сюрприз.

– Открыыыыли, идууууууут – отчетливо громко послышалось снаружи. Это прибежал мальчишка. Он быстро простучал необходимый ритм и буквально ввалился в конюшни, неприятно упав носом вниз.

– Открыли, идут. – Гнусаво повторил он, держась правой рукой за нос, легкой струйкой из которого теперь текла кровь.

– Кто открыл, кто идет? – мигом оживившись от легкой дремоты, одурманившей всех, немедленно отреагировала толпа.

– Мост Замка опустили, бой теперь туда перетекает, а к нам направляются с десятков солдат, не нашенских. Особо не спешат, устали вестимо, но мост уже скоро пересекут.

Новость прокатилась волной-убийцей по людям. Они держались на взводе и, в случае опасности, готовы были спуститься в туннели, но что Замковый мост опустят – никто не мог себе даже представить. Присутствующие кристально ясно понимали невозможность допущения сие действия как тактического маневра – подвергать опасности переживающих нападение в Замке ради спасения некоторого числа людей на улице никто в здравом уме не стал бы. Спокойствие сразу пронзило ощущение преследующей опасности и повсе-

местного предательства, ошибки быть не могло – мост был опущен кем-то изнутри. Йос Шпильберген, все это время пребывавший где-то в тени от лишней суеты, живо оказался снова у всех на виду – ему предстояло отвечать за жизни всех находившихся в конюшне. Он громко крикнул, призывая людей замолчать и приготовиться внимательно слушать – Альберт вместе с остальными застыли в ожидании предстоящей речи.

– Слушайте внимательно, так как делать придется много и спешно. Собственно, мы ожидали отряд в нашу сторону, но вот сражение внутри самого Замка – нет. Следовательно, двигаться туда для нас будет смертельной ошибкой. Мы не знаем, что произойдет дальше и как скоро пребудет подкрепление – поэтому нашим лучшим решением будет движение в сторону выхода из города. Освещения у этого пути не будет, поэтому мне нужно, чтобы кто-то из вас соорудил факелы – два будет достаточно. Пускай также кто-то другой забаррикадирует дверь, если умники захотят сначала беспрепятственно здесь все проверить. Мы с Альбертом пойдем первыми, затем женщины и парнишка, а следом остальные. Двигаться строго вместе, напоминаю – по этим туннелям никто не ходил со времен Великой войны, а значит мы не можем быть до конца уверены в надежности и безопасности опор. А теперь быстрее!

Стоило старому кузнецу закончить свою речь, все тут же без лишних слов принялись приводить его распоряжения

в жизнь. Группка из трех человек кинулась вырывать из снопов сена изрядные клоки для подготовки факелов, кто-то бросился отрывать наиболее хлипкие деревянные все для этой же цели. За неимением других вариантов – план был чрезвычайно простой в сочинительстве и трудный, основанный скорее на удаче, в реализации – не оставалось ничего иного, кроме как исходить на выдумки. На бывшую перегородку стойла, служившую теперь опорой для факела необходимо было намотать ткани, которую без неуместных споров отдал один из мужиков, наблюдавший за работой других, гордо вручив свою неожиданно сухую рубашку. Как оказалось – ему стало невыносимо жарко, стоило им оказаться в конюшне, от чего долго не раздумывая он ее снял, подвязав на пояс. Рубашку разорвали приблизительно на два равных куска ткани, и теперь под них необходимо было подбить сена. Последним оставалась проблема поджога факелов, но среди людей посчастливилось обнаружить человека с плохим зрением, вынуждено носящего очки. Разложив две небольшие кучки трута в виде щепок, все того же сена и пуха – начался процесс вылавливания солнечных лучей через линзы.

Двери конюшни к этому моменту были завалены, а Йос Шпильберген с помощью Альберта открыл спуск в туннель, который, как оказалось, скрывался за одной из ложных стен и представлял из себя небольшую ямку полтора метра диаметром, и высотой три, без лестниц и любых других средств

обустройства. Люди выстроились в очередь и зажгли факелы – за счет особой древесины Долины Осени, они будут способны гореть еще несказанно долго, даже после полного прогорания тканей и сена. Тревожная готовность выдвигаться повисла стекающей с карниза каплей. Как и обговаривалось – первыми спрыгнули пара из внука Элизы и мастера-кузнеца – они помогали спускаться остальным. Факелы распределили в начало и конец группы, а старый Шпильберген смог умело сориентироваться и по памяти определить, какой из туннелей ведет на выход из Беллуно.

– Собственно, все готовы? – оглядывая взятых под ответственность людей, тучно произнес старик. – Двигаться строго за мной по цепочке, никто не останавливается, ничего лишнего не трогает и обязательно смотрит себе под ноги, поняли? – дождавшись пока все пробубнят себе что-то утвердительное под нос, он посмотрел на Альберта, с момента спуска находившегося постоянно рядом. – Готов?

– Йос, я... мы можем отойти подальше?

– Что-то случилось, парень? Ладно, только не говори мне, что... один момент. – Йос снова повернулся к толпе. – Через минуту выдвигаемся, готовьтесь! – Предупредив окружающих, он отвел Альберта на пару шагов вперед. – Только не говори мне, что ты собрался в Замок.

– Там близкие мне люди, я не могу их вот так бросить. Я не прошу вас сопровождать меня, мне нужно лишь узнать, куда идти, а вы единственный среди нас, кто ориентируется

в этих катакомбах, да что уж там – знает о них.

– Думаешь спасти их, парень? Собственно, не мне за тебя решать, только учти, что факел тебе не дам – на такую группу одного мало будет, так что придется идти в полнейшей тьме. К тому же одному – остальные предельно ясно выразили свое желание выжить еще в конюшнях.

– Я согласен, только скажите куда мне идти, прошу.

– Ладно, слушай внимательно, Альберт. Тебе нужно достичь самого конца нашей цепочки – места, где мы прыгали, затем встать к нему спиной и пройти по диагонали направо, пока не упруешься в стену. После этого, все, что тебе нужно делать – идти, оставляя ее всегда по левую руку, запомни это. Спустя дюжину шагов ты найдешь нужный рукав – к твоему счастью развилками он не обладает. Ну а дальше, собственно, сворачивай в него и иди, как я уже сказал, держась левой стороны. Выйти ты должен точно к подъему в Осенний Колодец, выводящий во внутренний двор донжона.

– Подождите, Осенний Колодец? Я о нем никогда не слышал.

– Уже мало таких, кто слышал, Альберт. И сейчас это совсем не важно. Предупреждаю, обычно у него всегда была канатная лестница, но вероятность того, что она в край не прогнила и уж тем более опущена – невероятно мала, с этим я уже ничем не могу подсобить.

– Ничего, буду решать проблемы по мере их поступления. Спасибо большое, Йос, я вам очень благодарен, правда.

– Будет тебе, лучше не торопись шибко. Если что случится – тебя никто не сможет вызволить еще долгое время.

– *Festina lente*, помню. Я постараюсь. Спасибо еще раз.

– Не за что, Альберт. – И, когда тот уже отошел на пару шагов, добавил. – Передай своей старушке привет, если все получится.

К этой секунде Элиза успела успешно погибнуть, а призраки, выбравшись из Колодца на поверхность, разглядеть весь тот ужас, творившийся в Замке. Их полупрозрачные глаза заполонила злоба и исключительная хладная жажда мести за убийство потомков своего народа. Озлобленные, они с полной уверенности силой ринулись в бой – наступило время *Mundo Mortuus*. Осенние призраки были, по сущности, существами непобедимыми, способными поражать любой живой организм им неугодный, от чего единственным спасением было лишь бегство. Однако для Зимних людей знать столь страшную и одновременно важную информацию было все равно уже не важно – их безнаказанно гнали, убивали и душили, очищая от паразитов славный город Беллуно. Никто из них не готовился к появлению настоящих призраков, до этого времени обитавших только в сказках, и никак не упомянутых шпионом-информатором, за четыре года успевшим доложить только о «несметных сокровищах».

Передвижение давалось нелегко – повсеместно валяющиеся камни при каждом шаге злобно норовили попасть под ноги, желая внезапному проходимцу упасть как можно боль-

нее. Но Альберт продолжал идти – на ощупь в полнейшей тьме, вымеривая свои движения с надеждой, что все это не зря. Левая рука, служившая тростью-поводырем, сторала от боли. Два сломанных под корень ногтя на указательном и безымянном пальцах с каждым новым прикосновением к стене, заставляли о себе вспоминать, отзываясь пронизывающей болью. Кровь через изрядно сдернутую кожу на внутренней стороне ладони проступала увесистыми каплями, образуя мерзкие узоры, к основанию кисти, объединяющиеся в большие, спадающие капли. Но Альберт ничего из этого не видел, только чувствовал – он был ослеплен темнотой, а его разум был уже бок о бок с Гертой и бабуллитой, стоящих рядом в полной безопасности, под его защитой, пока тело медленно догоняло по никому неизвестному рукаву Беллунских катакомб.

Освобождение последнего утраченного оплота надежды успешно завершилось и заняв катастрофически мало времени у жизни, оно отняло чрезвычайно много жизней у времени. Призраки Осени стремительно перешли в дальнейшее наступление – их славный город все еще был в опасности и к сожалению, большая его часть была покрыта огнем. Но, несмотря на всю плачевность происходившей произвольности, мертвые, под предводительством Первой Королевы Ниландры, мгновенно определились в целях своих действий и направлениях предстоящей атаки. Вылетев из Замка, они одним сложным стратегическим движением рассредоточи-

лись, разделившись после моста на три части: направо, в сторону побережья и дома Бруденных; по центру, прямо на главную площадь и налево, к жилому кварталу – отправной точкой нападения на Беллуно. Зимние солдаты в ужасе начинали отступать, но не с окончательной уверенностью – они не могли до конца поверить в реальность происходящих событий и на первых порах, как это обычно и бывает в ситуациях, когда, видя неоднозначное, человек не знает, что ему делать и какой из выборов принесет наибольшее благо – он всегда выбирает вариант всенепременно ведущий к сожалению, независимо от его решения.

Лучи света стали заметны не сразу, после поглощенного тьмой туннеля они скорее грезились чем-то несуществующим. Бесспорно, выход становился все ближе и ближе, невольно вынуждая Альберта заметно прибавить в шаге. Десять метров – он окажется прямо перед входом в Осенний Колодец – пять – если лестница опущена, он сразу же побежит в главный зал, там наверняка укрывались многие, когда мост был опущен – один – его родные точно будут там же, защищающиеся вместе с остальными от нападавших – поворот. Перед Альбертом образовался наполненный ослепительной яркостью теплых оттенков масляных ламп главный рукав туннеля. Направо свет уходил покато и в определенный момент терялся, не давая возможности подробно разглядеть конечной цели своего путешествия. А слева предстала самая невероятная и никак не ожидаемая Альбертом в

данной обстановке картина – перед ним стояла Элиза и вечно следующий за ней верный, слегка лохматый Шнобель.

– Бабуллита? – не веря своим глазам, он продолжал внимательно на нее смотреть.

Элиза не находила слов для ответа, встреча с Альбертом застала ее врасплох, лишь только пес от радости стал навораживать круги вокруг себя, закономерно подпрыгивая каждый третий.

– Что вы здесь делаете? С тобой все в порядке? А где Герта? – В голове образовывалось и перемешивалось столько вопросов, что казалось невозможным зацепиться хотя бы за один из них.

– Хотела бы я увидеться с тобой, дорогой, при других обстоятельствах. – Повторив услышанное за сегодняшний день неоднократно, произнесла Элиза. – Но видно сегодня всем не суждено догнать судьбу.

– Что, о чем ты говоришь?

Шнобель, выплеснув энергию, теперь мирно лежал у ног, весело высунув свой язык и время от времени поглядывал то на хозяйку, то на старого друга.

– Я знаю, не смотря на все споры и ссоры, вы всегда ко мне чутко прислушивались. Постарайтесь с Гертой не грустить, все обязательно образумится, я обещаю.

– Не понимаю, пойдем, нам надо торопиться – Герта может быть в опасности!

Элиза, все это время загораживающая собой туннель в

сторону Колодца, легким полум движением повернулась, открыв вид на мертвые тела, лежащие подле спущенной канатной лестницы. Они были тем, что я есть, и я буду тем, что они есть.

– По моей неуклюжести, меня, как и Шнобеля, больше нет в живых, Альберт. Испугавшись подкравшегося Зимнего солдата, я оступилась и полетела вниз.

Повисло густое молчание, изредка прерывающееся далекими стонами откуда-то сверху.

– Послушай, мне и нашему маленькому другу придется остаться здесь – ты сильный, но вот сердце Герты... оно ранимое. Позаботься о ней, внук – вместе вы обязательно все преодолеете.

Отказываясь принимать происходящее, Альберт пытался убежать мыслями в оправдания, в любую действительность, которая была бы способна объяснить события, сделав Элизу живой. Но все это являлось безыскусной, наглой ложью – она была мертва.

– Обещайте вспоминать нас со Шнобелем почаще и усердно выполнять любое начатое дело: будь то учеба, работа или творческая идея. Когда-нибудь мы обязательно встретимся, но сейчас тебе нужно идти. Там, наверху, уже безопасно, я позаботилась об этом, но впереди вас ждет еще много преград. Внук мой, жизнь полна разочарований и, что бы плохого или ужасного не происходило на вашем с Гертой пути, помните, что вы есть друг у друга и что самый темный час

– всегда перед рассветом.

– Я не понимаю. Не уходи, пожалуйста, прошу. – По худому телу юнца впервые ознобом пробежало отчаяние, а сердце совершило странный мемориальный тур по груди.

– Со временем ты обязательно все поймешь, Альберт. А сейчас найди Герту и... до встречи. – С последним словом она исчезла вместе с псом, оставив в слезах еще молодого, но уже повзрослевшего человека.

Очищение города от незваных гостей шло методично – бои, если так можно назвать не встреченное сопротивление, освобождали, проходили одновременно на трех основных улицах, шедших параллельно друг другу. Призраки вихрем мчались, почти не задерживаясь на каждом из врагов отдельно – убийственные волны летели, сокрушая всех на своем пути. Зимние люди, уже в полной мере осознавшие, что попытка сгруппироваться и дать ответный бой – была провальной, ощутили уходящую, словно песок сквозь пальцы, возможность спастись. Их изначальный запал, ведомый жадной наживы и отзвуками историй о богатствах, стер в сознании существование обратной стороны монеты. Их жадность привела к атаке не только лишенной всякой опасности, но и приправленной выразительной жадностью, так сильно мотивирующей зачастую всех людей, измеряющих ценность этой жизни в эквиваленте достатка. Все бежали в панике, совершенно забыв о целях Зимней Долины, о приказах своих командиров и во многом даже о своих семьях – они бежали,

думая только о том, как бы еще быстрее им бежать. Однако призраки не думали никого отпускать и, верно догоняя свою цель, без лишних разбирательств ее душили. А за ними, двигаясь второй волной, шли немногочисленные, оставшиеся в живых Осенние солдаты, пожинавшие остатки творившегося ужаса, добывая чудом уцелевших Зимних людей с помощью штыков.

Снаружи оказалось заметно тише, чем Альберт ожидал. Здесь, в месте, служившим опорой спасения, произошла трагедия, которая была предрешенной, стоило замковому мосту только опуститься. По пути в главный зал он то и дело натыкался на тела погибших и раненых – последние то и дело впадали в бредовые припадки то постанывая, то нашептывая свой лихорадочный бред. Лишь нападавшие лежали усмирено, большинство из них совершенно целыми, будто готовые в любой момент подняться и отправиться обратно домой. Способные помогать бегали из стороны в сторону с окровавленными тряпками, создавая непрекращающуюся карусель движений, безотказно вызывая легкое тошнотворное головокружение.

Альберт с трудом улавливал происходящее, пытаясь справиться со всей информацией, полученной за считанные мгновения от своего забега к конюшням до встречи с погибшей бабушкой Лизой. Все произнесенное ею не оказалось странной, прощальной загадкой – в донжоне было вправду безопасно, и он не знал, как это объяснить. Более того, Аль-

берт не знал, как объяснить Герте смерть Элизы и Шнобеля, самое опасное человеческое чувство – чувство вины за произошедшее – лежало на нем мертвым грузом. Он винил себя за бесполезную попытку позвать подкрепление, за то, что не остался со своими близкими сердцу людьми. Винил за неспособность сражаться и даже за свой жизненный выбор, проложенный по стопам науки. Горе-атлет. Утраченная надежда.

Каждая погибшая душа Беллуно сейчас лежала на его свинцовом сердце, отсчитывая секунду за секундой, сродни старинным часам в их, теперь навсегда неполноценном, доме. Однако, несмотря на вину, Альберт боялся только одного – не найти в полной, оставленной после сражения, неразберихе Герту. Она была для него всем и, поскольку неизвестность – главный страх рода человеческого, мозг стал воображать самые страшные образы и всевозможные исходы событий – плачущий ангел стал крылатой тенью.

Оглядываясь в происходящем повсюду ужасе, где-то в самом левом углу, за плохо проглядываемой каруселью людей, Альберт заметил миниатюрную девчушку, которая со всей упорностью и отверженностью перевязывала раненого в плечо одного из братьев Кабутерманнекинов, плакавшего, не стараясь скрывать своих эмоций. Альберт мог только догадываться, в чем дело, но, не оставив в своем сердце больше места для трагедий, он, медленно набирая скорость от обычного шага до стремительного бега, бросился в их сторо-

ну. Только подбежав почти вплотную, он убедился, что перед ним сидит та самая, с курчавой, рыжей копной девчонка, которая так много для него значила. Вся в потрепанной одежде, с пеплом на плечах и голове, она ответственно продолжала помогать раненному мельнику. Не желая дожидаться окончания процедуры, Альберт нарочито громко ее позвал.

– Герта?

Для девушки, явно погруженной в свои мысли, услышанный из-за спины чей-то голос, показался неожиданно знакомым. Стоило ей вопросительно обернуться – последние сомнения Альберта вмиг улетучились. Это была она. Оставив брата Кабутерманнекина с не до конца затянутым бинтом, Герта прыжком бросилась на своего возлюбленного. Пара крепко сцепилась друг в друга, позволив Долине Осени на долгое время стать несущественной. Они снова были вместе, и каждая эмоция, каждая история с нетерпением ждали своей очереди быть вырванными из рамок одного конкретного сознания. Наконец, позволив себе набраться внутренних сил, Альберт нанес мучительно болезненный удар, не терпевший долгих отлагательств.

– Милая... – начал неуклюже он, его голос не дрожал, но был заметно приглушенным – бабуллита погибла... вместе со Шнобелем.

– Что ты такое говоришь? – на глазах Герты начинали проступать слезы. – Зачем ты надо мной смеешься – ведь знаешь, что так нельзя шутить! Здесь столько всего невероят-

ного было – нас спасли из ниоткуда появившиеся призраки. Они так летали, так летали! Видели бы вы с бабуллитой, как они летали! Если бы не они – Зимние солдаты точно убили бы нас! Кстати, где она все-таки? Где бабуллита? А, она, должно быть, наверху с управителями, да, да – она мне так сама сказала. Наверное, скоро спустится, ух тогда я ей все расскажу!

– Герта, – прервал зловещим приговором Альберт. – К сожалению, я не шучу. Она разбилась... Она. Разбилась. – Смог только произнести он и, чувствуя острую нехватку слов с одновременной несправедливостью говорить о трагедии с конца, поделился с уже рыдающей Гертой всем, что услышал от Йоса и, уже покинувшей Мир Живых, Элизы. Альберт подбирал слова медленно и аккуратно, попутно пытаюсь успокоить любимую, которая хоть и слушала, но была в состоянии, когда человек отрешен от мира полностью. Он также поведал ей о последних словах Элизы про упорство при любых начинаниях и просьбе вспоминать почаще, а затем, они вдвоем потерянно отправились стараться помогать тяжелораненым, нуждающимся в немедленной помощи. Герта сначала хотела было взглянуть на тело Элизы, но Альберт отговорил ее, так как понимал моральную тяжесть поступка и его губительные последствия. Посему они погрузились в помощь – отгородились, чтобы отвлечь себя ото всех, так настойчиво лезущих, ненужных мыслей.

VIII

День, этот долгий и никому, как оказалось, не нужный день, подходил к своему логическому завершению. Впереди предстояло многое, настолько, что события сегодняшнего окажутся лишь точкой воспоминаний в этом линейном векторе, который многие ошибочно и довольно часто принимают за отрезок или кривую. Прибывшее наконец подкрепление из Седико оказалось уже ненужным в военных вопросах. Призраки Осени ожидаемо разгромно победили, полностью освободив Беллуно и все его окрестности от неприятеля. Долина была очищена и настала пора возвращаться назад, в свой мир – в *Mundo Mortuus*, где их ожидало уже большее количество вечно заточенных.

Хотя все понимали, что голод предстоящей войны только разгорался и ангелам еще не раз представится повод проливать жженные слезы, Осенние люди запретили себе думать об этом, полностью отдавшись оставшемуся вечеру, стараясь разобраться с последствиями жатвы и ядовитой пыли. Солдаты из Седико, узнав об отраженном нападении, присоединились к жителям славного города в попытках разобрать разрушения, причиненные нападавшими, по характерному снаряжению и геральдике легко узнаваемыми как солдаты Зимней Долины.

Управители города так и не появились – их нашли мерт-

выми у себя наверху, в донжоне. Посему каждый в силах способный помогать, самостоятельно распределился по группам, начав собирать плоды войны – эти черные отравленные ягоды. Небольшая часть отправилась к поврежденной железной дороге – на ней уже всюду велась работа составами: испуганно отбывшего утром из Беллуно паровоза и многочисленными рейсами, должныими прийти в славный город в течении всего прошедшего дня. Однако лишними в таких ситуациях руки никогда не являются, необходимо было как можно скорее наладить сообщение между городами Долины – впереди предстояло бесчисленное количество перевозок грузов и товаров для восстановления города.

Вторая группа – в значительно большем составе, нежели остальные – занималась разбором устроенного нападавшими городского хаоса – из-за особой древесины Долины Осени город продолжал неустанно полыхать. Словно колония муравьев, люди организованно выстроились в цепочки от Ундины и фонтанов на площади до источников пожаров, тщетно пытаясь укротить дикое стихийное животное. Одно-двухэтажные здания приходилось разрушать с помощью подручных средств, растаскивая постройки по бревнам и сплавливая многие из них за неимением лучшего выбора по реке. Главной задачей оставалось сохранить уцелевшую половину Беллуно невредимой, от чего люди спешно прокапывали глубокие ямы, попутно избавляясь от повсеместной травы, садов и деревьев.

Но наиболее испытывающая на прочность работа неоспоримо досталась третьей группе – им выпала тягостно давящая доля разбирать тела погибших в произошедшей резне. Людей Долины Зимы, безнадежно застигнутых призраками на улицах славного города, небрежно складывали в одну большую горку, предварительно снимая любое снаряжение, в будущем имевшее шанс оказаться полезным. Множество мечей и щитов, окропленных кровью, лишались своих бывших владельцев, отправляясь к раздельно сложенным лукам, шлемам и ламеллярным доспехам. Сломанное ждало переплавки, а уцелевшее готовилось в скором времени быть использованным против своих создателей. Часть Зимних солдат – ту, которая успела забежать, отвоевать и преставиться в Замке – скидывали с обрыва Края, не донося до общей собираемой кучи. Среди них оказался и Фьорд, уже не Йоханссон, но убийца, никому не известный, но принесший столько невосполнимых страданий.

Количество жертв не поддавалось быстрому подсчету, и перспектива физической работы простиалась до самого утра. К телам Осенних людей, в отличии от тел нападавших, относились с должной и трепетной бережливостью. Их аккуратно, со всей честью и достоинством, перетаскивали на главную площадь, укладывая затем параллельными штабелями. Всем им еще предстоял ритуал прощания, но сначала было необходимо разобраться с вездесущим хаосом.

Альберт и Герта, тем временем давно закончив с оказа-

нием первой помощи тяжелораненым, устав до изнеможения и оставив всю остальную работу людям более сведущим, отправились в последний раз проститься с Элизой и Шнобелем. Вытащенные совсем недавно из Осеннего Колодца, они лежали вместе с остальными на главной площади. Если утрата Шнобеля для них была сродни потери близкого друга, несшего за собой исключительно положительные эмоции и оставившая легкую грусть, то утрата бабушки Лизы принесла с собой исключительную пустоту, которую на первых порах заполнить было нечем. Пара влюбленных встала прямо напротив двух, сверху накрытых тканью, холмиков – один из которых невооруженным взглядом был очевидно меньше. Держась за руки, они долго молчаливо стояли, пока наконец Альберт не разрушил сформированную тишину.

– Знаешь, немного иронично, что именно сегодня бабуллита заговорила об умении ловить момент в этой жизни. – Тускло бросил он. – Вот она была и вот ее не стало.

Герта – все сильнее осознавая, что произошло – снова начинала тихонько плакать, пуская настоящие слезы горечи и хлопая носом. Альберт посмотрел на нее и без лишних слов крепко обнял.

– Знаешь, – от полной потерянности в очередной раз повторил Альберт. – Думаю, нам стоит начать сейчас.

– Начать что? – Непонимающе буркнула она в плечо.

– Ловить момент жизни. Все-таки это последний день, когда наша бабуллита была жива.

Край земли. Солнце вместе со своими детьми-лучами сровнялось с уровнем горизонта со стороны Края, окрашивая всю Долину в пламенный красный цвет, вперемешку с тыквенно-оранжевым и янтарно-желтым. Ундина все также умиротворенно ползла удавом, с тем отличием, что теперь она уносила с собой обгоревшие части славного города Беллуно. Издалека виднелись всполохи догорающих пожаров, черные облака дыма ветром уносило в сторону соседних городов, а в воздухе витал запах едкого яда. События сегодняшнего дня пока не сильно затронули фауну и флору Долины Осени – дневные жители боскета уступали место более грозным, ночным завсегдатаям, разбредаясь по своим логовам. Они еще не знали, что в ближайшее время их собственный дом вопреки установленным правилам начнут вырубать для восстановления дома другим. Снова стало прохладно и все за территорией объятого жарким пламенем Беллуно, покрылось легким налетом голубоватого инея. Тем временем в город на лошадях, на которых так тщетно уповал Альберт, прибывали новые потоки подкреплений, узнавшие о нападении из уст людей, ускакавших сразу же при виде смертельной опасности. Каждый из них тотчас отправлялся помогать образованным группам разбираться с последствиями. Работа не останавливалась ни на миг – как сама жизнь.

Этот день не был очередным, он не был рутинным или заурядным. Для многих людей он стал последним, а для всех остальных – превратился в историю, которая по началу будет

казаться Осенним людям весьма реальной. Они будут охотно в нее верить и рассказывать каждому – своим будущим детям и людям из других Долин, что так все на самом деле и было. Потом, спустя некоторое время, эта история медленно превратится в легенду, затем в былинку и местную сказку, а в конце, спустя множество поколений и утерянного времени, просто во что-то отдаленное, настолько отдаленное, что люди, которые еще будут помнить об этой истории, легенде, былинке и сказке – начнут сомневаться – происходило ли все это на самом деле, а не являлось всего лишь чьим-то ярким сновидением.

Теперь вы видите?

Редактор: Панкрашина Анна Андреевна

Художник: Гертье Татьяна Александровна